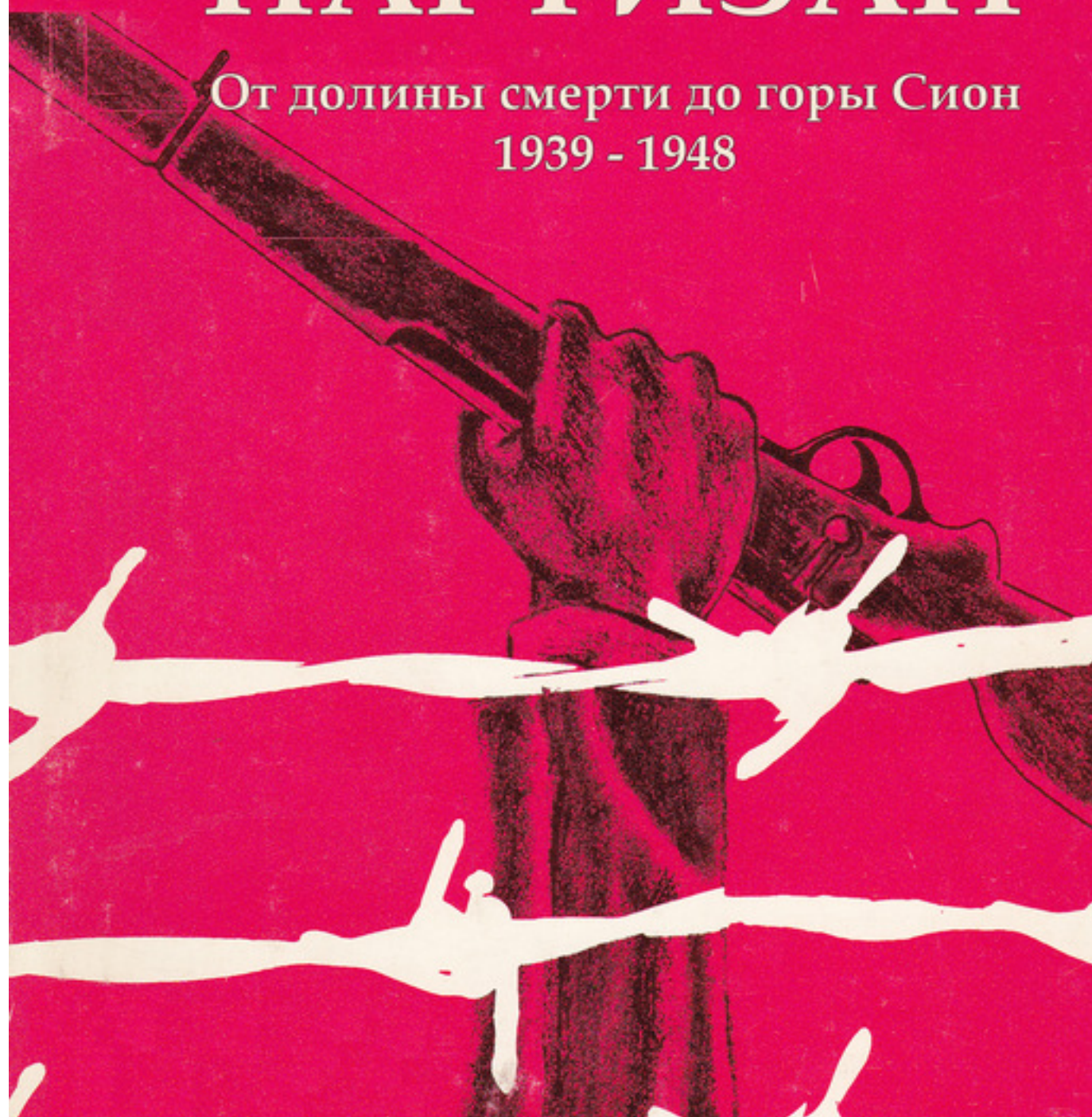

ИЦХАК АРАД

Бригадный Генерал Армии обороны Израиля

ПАРТИЗАН

От долины смерти до горы Сион
1939 - 1948

Ицхак Арад

Партизан. От долины смерти до горы Сион. 1939–1948

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6982669*

Партизан. /Юность в борьбе/. От долины смерти до горы Сион. 1939 – 1948: Книга-Сефер; Тель-Авив;

Аннотация

Ицхак Арад – легендарный советский партизан Второй мировой Войны, Бригадный генерал Армии обороны Израиля, в течение 20 лет руководитель мемориала Яд-ва-Шем, писатель, солдат, мыслитель...

Книга «Партизан» была в основном написана «по горячим следам», молодым бойцом молодого Государства. Изданная на английском языке в 70-е годы, книга тревожным эхом откликнулась в 2000-е. Тогда новые литовские власти пытались судить Ицхака Арада за «геноцид литовского народа». Так они называли акты возмездия, когда чудом вырвавшиеся из гетто, видевшие уничтожение своих близких юноши и девушки мстили палачам своего народа... С завершение Второй мировой война для Ицхака Арада не закончилась, он принимал участие во всех войнах, в которых Израиль отстаивал право быть государством своего народа.

«И мой долг рассказать молодому поколению о событиях, которые вершились перед моими глазами, и людях, которые в них участвовали. Для молодого поколения это история, для меня – реальность. Все рассказанное в этой книге, является лишь небольшой частью судьбоносных событий истории нашего народа, но настоящее возводится на фундаменте прошлого, и молодое поколение должно его знать во имя будущего».

Содержание

«Что такое фашизм? Это ненависть к другим»	5
И тогда я снял с шапки звезду и ушел...	6
Конфликт с Литвой	8
Я хотел, чтобы звучали имена детей	9
Предисловие автора	11
1. В осажденной Варшаве – сентябрь 1939	12
2. Под властью германии: октябрь – декабрь 1939	18
3. Под советской властью: январь 1940 – июнь 1941	23
4. Снова под германской властью	28
5. Массовые уничтожения и мой побег в Белоруссию	34
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Ицхак Арад Партизан

Ицхак Арад. Бригадный Генерал Армии обороны Израиля

Партизан. /Юность в борьбе/. От долины смерти до горы Сион. 1939 – 1948

Издательство «Книга-Сефер»

Израиль

2014

Перевод с иврита – Эфраим Баух

Редактор – Виталий Кабаков

Предисловие – Алла Борисова

Оформление – Соня Кабакова

Фотографии и иллюстрации предоставлены автором из личного архива.

«Что такое фашизм? Это ненависть к другим»

Мы встретились с Ицхаком Арадом (в прошлом Ицхак Рудницкий), бригадным генералом Армии обороны Израиля, а еще историком, на протяжении двадцати лет директором музея Катастрофы и Героизма «Яд Вашем» по поводу скорого выхода в свет его книги на русском языке в переводе Эфраима Бауха. Воспоминания были им написаны еще в юности, но издавались только в США на английском. Теперь книга «Партизан» издана издательством «Книга-Сефер» и доступна в электронном виде. Это поразительное свидетельство человека, прошедшего ужасы Второй мировой: жизнь в гетто; борьба с фашистами в составе советского партизанского отряда, за что он получил драгоценную для него медаль и вывез ее потом в буханке хлеба; долгий путь по Европе в сторону Палестины; наконец, военные будни в Израиле.

Ицхаку (в партизанском отряде ему дали имя Толька) 88 лет, он вполне бодр, о юности вспоминает охотно, хотя юность эта проходила на историческом фоне страшной, кровавой войны. Но юность есть юность.

И тогда я снял с шапки звезду и ушел...

– *Ваша книга «Партизан» – это довольно тяжелое чтение. Вы прошли так много – начиная с польского гетто и заканчивая партизанским отрядом... И потом, в Израиле, снова война. Иногда возникает чувство – а можно ли все это выдержать и остаться при этом человеком?*

– Знаете, я сейчас смотрю на это иначе. Это была моя юность – и в гетто, и в лесах...

Но сначала – под немецкими бомбардировками. В первый же день войны я был уже под немецкой бомбардировкой в Варшаве. Потом бежал в свой родной городок Свиняны (дистрикт Вильно, сейчас это Литва), куда потом тоже пришли немцы. И я воевал до конца апреля 45 года. Когда Берлин пал, я решил, что долг перед советской Родиной я полностью отдал. Дома, в семье я получил еврейское воспитание, и у меня всегда была эта мечта – война кончится, я приеду в Палестину. И тогда в апреле 1945 я снял красную звезду с шапки и ушел.

Во время Второй мировой я потерял большую семью, родители погибли в гетто... У нас была большая еврейская семья, как это обычно было в местечках. Нас было 40 человек, выжили только я и сестра. И двоюродный брат, который воевал со мной и умер несколько лет тому назад...

– *Вы хорошо знаете, что такое фашизм и кто такие фашисты. Сейчас этими словами бросаются в новых военных столкновениях, часто не понимая их значения. Как бы вы определили, что означает фашизм? Что это для вас?*

– Знаете, ведь сегодня ни одна партия в мире так себя не называет. Но это существует. Думаю, любой крайний национализм можно так назвать. Так я считаю. Это ненависть к другим. К другой религии, другому цвету кожи, другому языку. Ненависть и агрессия. В осознании своей национальности, конечно, нет ничего плохого, наоборот... Я же говорю о крайних проявлениях.

– *Когда Германия наступала, что думали евреи? До какой степени они понимали в Польше, Украине, Белоруссии, Литве... весь ужас своего положения?*

– Понимали, но говорили себе, что будут терпеть. Они ведь не предполагали, что произойдет тотальное уничтожение. Я много этим занимался уже как историк. 29 сентября 1941 года в Киеве, когда всем евреям было сказано придти в определенное место, они ведь и тогда ничего не поняли. Поняли только, когда уже стояли перед рвом, когда в них стреляли. Я делал большое исследование о лагерях смерти. Когда произошла депортация из Польши – 350 тысяч евреев отправили в Трешлинку – они думали, что их отправляют на работу. Известно, что в лагере им сказали, что они пройдут через баню. Это были газовые камеры. Только там, в этих «банных» они осознали, что впереди смерть. И так было везде.

Когда собрали всех евреев из моего местечка и окрестных сел, им сказали, что ведут в гетто, в лагерь. И повели на полигон. Там расстреляли 8 тысяч взрослых и детей. Я убежал раньше, в Белоруссию, где еще не было гетто. Но даже когда свинчане уже понимали, что их могут уничтожить... Что им было делать? Куда бежать? Ты живешь, работаешь... Я тогда был молодым 16-летним парнем, без родителей (семья осталась в Варшаве), я нашел (украд у немцев) оружие и убежал в леса... А если бы у меня была семья, дети? Да, я могу уйти к партизанам, но семью тут же расстреляют! Так что в этом случае героизм: остаться или

бежать в леса? Кроме того, местное население тоже было настроено по-разному, скрывающихся евреев часто передавали немцам.

Знаете, некоторые выжили и в конце войны начали возвращаться в местечко... На них смотрели недоброжелательно. Их дома, их имущество было поделено.

В лесах тоже не так просто было выжить. Местные крестьяне знали, где мы скрывались. И нужны были продукты, мы брали их у крестьян. Если они были против – выдавали нас немцам. Тут еще был такой момент: советские партизаны были готовы принять евреев в свои ряды, но только с оружием, таково было условие. И еще в лесах скрывались и бойцы УПА, и белополяки. Они убивали евреев в лесах. Выжить могли лишь те, кому удавалось попасть в партизанские советские отряды. То есть у евреев почти не было выхода. Либо немцы, либо местные жители...

Продукты у крестьян брали и немцы, и партизаны... Брали с оружием, так просто крестьяне ничего не давали. А что было делать?

– Вы получили медаль «Партизану Отечественной войны», ту самую, которую вывозили потом в буханке хлеба. За что вам ее вручили?

– Я участвовал в подрыве 16 немецких эшелонов. Все снабжение немецких войск шло по железным дорогам, других путей практически не было. Наше дело было – минировать линию снабжения ленинградского фронта. Зимой мы заходили в хутора на день, а ночью ходили минировать дорогу. А там снег, по следам можно было понять, куда мы отступали... Многие погибли. Мой двоюродный брат погиб в боях.

Конфликт с Литвой

– В 2007 году, когда вам было 81, на вас было заведено дело литовской прокуратурой. Вас обвиняли в грабежах, поджогах, в том, что вы стали сотрудником НКВД, участвовали в убийствах литовцев. Потом дело было закрыто.

– Я историк. Когда Литва получила независимость, они захотели войти в НАТО, в Евро-союз. Но все понимали, что в Литве было большое число коллаборационистов, надо было расследовать все это. И сформировали международную комиссию ученых, историков – там были немцы, русские, литовцы... И обратились ко мне, чтобы я стал членом комиссии. Я думал, что они хотели объективности. Комиссию тогда разделили на две части – одна занималась немецкой оккупацией, другая – советской. Да, они признавали, что в Вильнюсе и в Каунасе были роты литовцев, которые расстреливали евреев. Но ведь дело не только в тех, кто стрелял. Там были сформированы полицейские батальоны, 10 из них участвовали в акциях, забирали евреев из домов, охраняли гетто. Они не стреляли, но участвовали... Это десятки тысяч людей.

И возник конфликт, причем и немецкие, и американские историки были на моей стороне. И комиссия могла сделать такое заключение, которое не понравилось бы Литве... В один прекрасный день вышла газета со моей фотографией, а на руках была нарисована кровь. Я тогда был экспертом на нескольких судебных процессах, где обвинялись немецкие чиновники, действовавшие тогда в Литве. И вот меня, на основе моих собственных воспоминаний, опубликованных в США, обвинили в том, что я ушел в леса, якобы пошел в группу НКВД воевать... Это неправда, никакого НКВД в нашей группе не было. Они заявили, что я – грабитель (мы брали продукты в деревнях), убийца, сжигал деревни и т. д. Один из бывших полицаяв был во время войны расстрелян партизанами, я этого не знал, но обвинили опять же меня.

Комиссия перестала работать... Вмешалось израильское правительство. Дело это было прекращено, так как доказательств никаких не было.

Знаете, в Литве ведь считают, что было два Холокоста: еврейский Холокост, в котором виноваты немцы и несколько сотен литовцев, и Красный Холокост, в котором виноваты «жидобольшевики».

Конечно, я далек от коммунизма, но в этой идеологии все-таки не было поголовного истребления.

– Ну, это спорно. Просто сталинские деяния полностью не были расследованы и осуждены...

– Я убежден, что Сталин виноват в смертях миллионов людей. Но не было этого в коммунистической идеологии... Не было.

Я хотел, чтобы звучали имена детей

– *Вы участник всех войн в Израиле. Как началась ваша военная карьера?*

– Да, я же был в Пальмахе. Но сначала надо было дойти... Мой путь нелегала шел через всю Европу до Италии, и потом на маленьком корабле мы приплыли сюда. В день, когда англичане праздновали и были пьяны, мы тайно сошли на берег. И потом... 25 лет войн. В Пальмахе я был летчиком, мы летали, это были будущие израильские военные силы. Когда уже давали звания, я получил звание капитана, а закончил здесь службу, как бригадный генерал.

1948 год – война за независимость, потом 1956 год, потом 1967, потом 1970-й... Я ушел из армии в 1972 году... И даже когда уже работал в «Яд Вашем», участвовал в войне Судного Дня

– *Кроме идеологии сионизма, что вами двигало? Вы участвовали в военных операциях. Как объясняли себе цели борьбы?*

– Я вам скажу. Однажды мы с другими участниками курса подрывного дела ехали в Тель-Авив. Проезжали город Ришон-ле Цион и увидели, что вся улица танцует... Что случилось? Оказывается, ООН признала государство Израиль. Мы были счастливы. Но в этот день, когда мы были готовы на раздел страны, на очень многое, уже начали убивать евреев. И началась война. И до сегодняшнего дня они не хотят признать, что здесь, на Ближнем Востоке есть страна Израиль. Независимо от границ. Я не стою на крайних позициях, я в Израиле отношу себя к левому лагерю. То есть я считаю, что нужно разделить землю на два государства. Мы же хотели жить в маленькой стране и были готовы сначала идти на компромисс. Но... Они не согласятся на конец конфликта. А я чувствую, что без Израиля у еврейского народа нет будущего. Я же хочу, чтобы этот народ был. И хорошо помню июньский день 1967 года, наступление на Иерусалим. Я тогда был вместе с теми парашютистами, которые вошли в город. Утром уже был у Стены Плача и слушал молитву главного раввина армии. Никогда не забуду этот день.

– *Как в вашей жизни появился «Яд Вашем»?*

– В Израиле я затем служил в танковых войсках, в армии закончил среднюю школу, потом меня послали в университет, где я получил степени ВА и МА. Знаете, в израильской армии нет политического отдела, но я тогда был главным офицером просвещения. Газеты, образование, воспитание... всем этим я занимался. В 1972 году меня пригласил заместитель премьер-министра Игаль Алон, министр культуры и просвещения. В Израиле уже был принят закон об увековечении памяти жертв Катастрофы, объявлении Дня Памяти и создания специального мемориала. Однако «Яд Вашем» был основан только в 1972 году. Игаль Алон сказал: «Я хочу, чтобы ты был председателем «Яд Вашем». Я тогда был начальником штаба Дивизии, сказал, что подумаю. Я ведь сам пережил Катастрофу, мой долг перед обороной Израиля был выполнен, я воевал в трех войнах...

Мне казалось важным работать в национальном институте памяти Холокоста и героизма, который занимается исследованиями, архивами. И я согласился. 21 год я там проработал.

– *Что вам удалось сделать за это время? Если вспоминать о самом главном?*

– Главное – нам удалось открыть советские архивы. Еще тогда, когда не было дипломатических отношений, но уже началась гласность, к нам приехал заместитель председателя комитета защиты мира. Он был бывшим генералом НКВД. Я сказал ему, что мы все видим: в мире неонацисты поднимают голову и надо бороться против этого. Но ваши архивы закрыты... Тогда он пригласил меня в Москву, Минск, Одессу, Киев. И нам открыли архивы. Армейский архив в Подольске, архив партии... Удалось найти трофейные документы, вывезенные их Германии...

Я издал две книги по истории Катастрофы. Ученые работают, все время узнают что-то новое, находят новые документы.

– *Детский мемориал в музее поражает всех, кто приезжает в Израиль... Как это было придумано?*

– Да, это я сделал... А придумал, как именно будет выглядеть мемориал, известный архитектор Моше Савди. Я хотел сделать что-то в память об этих детях – ведь это полтора миллиона погибших детей... Я нашел пещеру, но идея, как это сделать была его. Только он предполагал, что там будет тихо. Я же хотел, чтобы обязательно звучали их имена. Это очень важно.

И еще для меня очень важна долина общин – в память о пяти тысяч еврейских общин, которые были уничтожены.

– *Я поздравляю вас с тем, что вы выжили, прошли огромный и опасный путь... У вас большая семья?*

– Да, женился еще в 1948... Трое детей, 11 внуков, пять правнуков... Внук – офицер, и вот внучка недавно пошла в армию. Все хорошо.

...И «Толька», бригадный генерал Ицхак Арад садится за руль своей машины. Звонила жена. Ждет к ужину.

Алла Борисова

Предисловие автора

В нашем поколении, в течение всего лишь одного десятилетия, произошли два судьбоносных события, изменившие облик еврейского народа и ход его истории – Катастрофа и создание государства Израиль.

В страшной Катастрофе еврейский народ был поставлен на грань уничтожения. Истреблено было шесть миллионов наших братьев и сестер. Катастрофа привела к физическому и духовному уничтожению ядра мирового еврейства.

Созданием государства Израиль осуществились мечты и стремления двух тысяч лет – возвратиться в Сион и добиться независимости Израиля, была заложена основа нового центра мирового еврейства.

Катастрофа – самый глубокий разлом нашего народа, создание Израиля – сама большая победа в нашей истории. Несмотря на крайнюю разницу в этих двух событиях, и в их значении, произошли одно за другим, в связи и последовательности. Они представляют единую главу в исторической летописи нашего народа. Они входят одно в другое по смежности времени, по общественным и политическим факторам, которые повлияли на развитие событий и на решительное изменение еврейской реальности.

Невозможно осознать создание государства в 1948 году без глубокого понимания трагедии Катастрофы и ее влияния на то, что произошло сразу же после нее: стремление евреев, спасшихся из Катастрофы, отделить себя от волн гибели, и любыми способами добраться до безопасной гавани – страны Израиля.

Но и тут продолжалась борьба, и желание достичь безопасности и устойчивости в жизни все еще достигнуто не было. Еврейский анклав в стране Израиля боролся против английской власти за открытие ворот страны жертвам Катастрофы и создание еврейского государства, которое станет убежищем всем гонимым по миру евреям.

Решение ООН о создании еврейского государства, несомненно, было принято под влиянием трагедии Катастрофы и совместной борьбы тех, кто спасся из Катастрофы, и еврейского анклава в стране Израиля, которые подняли еврейский вопрос перед всем миром, требуя положительного разрешения проблемы.

Судьба распорядилась так, что мне пришлось участвовать в этих драматических событиях. Жизнь моя в эти годы прошла через гетто, затем в глубинах лесов – среди партизан, затем на тайных тропах нелегальной репатриации – с целью добраться до страны Израиля и влиться в ряды штурмовых отрядов – Пальмаха – в войну за Независимость.

Не я выбирал этот путь жизни, оставивший за моей спиной безымянные могилы моих родных, близких, друзей, боли, поразившей годы моей юности. Но если суждено мне было разделить судьбу моего народа, я бы не избрал иного пути жизни. И если бы у меня была возможность избрать иной путь – я бы снова избрал путь участника и свидетеля этих двух судьбоносных событий в нашей истории.

И мой долг рассказать молодому поколению о событиях, которые вершились перед моими глазами, и людях, которые в них участвовали. Для молодого поколения это история, для меня – реальность. Все рассказанное в этой книге, является лишь небольшой частью судьбоносных событий истории нашего народа, но настоящее возводится на фундаменте прошлого, и молодое поколение должно его знать во имя будущего.

1. В осажденной Варшаве – сентябрь 1939

На рассвете, в пятницу 1 сентября 1939, города Польши были разбужены сигналами сирен, сопровождаемых ревом немецких бомбардировщиков и градом бомб. В те же утренние часы 54 германские дивизии вторглись в Польшу. Наступление началось в одно и то же время – с севера, из восточной Пруссии, с запада – из Поможии и Силезии, и с юга – из Чехословакии, по фронту протяжением в 1750 километров. Ударной силой были 14 механизированных бронетанковых дивизий, при поддержке сотен пикирующих бомбардировщиков "Штуке". Против вторгнувшихся войск стояло тридцать польских пехотных дивизий и двенадцать кавалерийских бригад, из которых лишь одна была механизированной.

За несколько часов до вторжения дикторы германских радиостанций передали драматическое сообщение о действиях поляков: "Подразделения польской армии пересекли границу Германии и захватили радиостанцию в Гляйвице, но были отброшены германской армией". Дикторы призывали правительство Рейха силой отреагировать на атаку польских войск. 31 августа, в 8 часов вечера, действительно слышна была стрельба около радиостанции в Гляйвице. Группа солдат в польской военной форме захватила радиостанцию и передала сообщение на польском языке, объявив войну Германии, и выразив уверенность в победе Польши. Но это была провокация немцев, совершенная солдатами "германской службы безопасности – СД", переодетыми в форму солдат польской армии, с целью дать повод германской пропагандистской машине – призвать к войне с Польшей. Это потрясшее всех сообщение было передано поздней ночью множеством мировых радиостанций, но к утру утонуло в потоке сообщений о вторжении германской армии в Польшу со всех границ. Жители Польши, исключая работников газет и радио, дежуривших в ночные часы, не знали ни о провокации в Гляйвице, не слышали призывов к войне дикторов германского радио. Они провели последнюю спокойную ночь перед бурей.

Невероятный шум разбудил меня утром первого дня войны. Не прошло и нескольких минут, как я уже был на улице Дзейлена, на которой жил, одной из улиц еврейского района Варшавы, заполненной людьми. В разных местах толпились люди и взволнованно обменивались мнениями о происходящем. Я был оттеснен к одной из таких групп. В ней все говорили одновременно. Но я, все же, наконец-то, понял, что грянула война. В центре группы стоял коренастый мужчина и с большим подъемом говорил о скором конце Гитлера и нацистской Германии. Он объяснял, размахивая руками, что польская армия сильна. Она сдержит германских агрессоров, пока Англия и Франция не проведут мобилизацию своих армий и просто раздавят Германию. Другой человек вмешался в разговор и сказал, что Польша не будет второй Чехословакией, которая была предана в Мюнхене и сдалась без боя. Общее настроение в группе было оптимистичным. На улице Заменгоф я увидел длинные очереди в продовольственные магазины. Люди раскупали всё, что в них было.

Я побежал домой, чтобы рассказать родителям о том, что началась война, но эта весть уже дошла до них. Мать Хая и сестра Рахиль уже ушли и присоединились к очереди за продовольствием. Отец мой, Израиль-Моше, вернулся через несколько минут с утренней молитвы в синагоге "Мория" (в нашем доме номер 7 по улице Дзейлена), где был кантором. Он уже тоже знал о войне, и мне хорошо запомнились его слова, полные тревоги: "Ициле, – сказал он мне, – когда я был в твоём возрасте, грянула Первая мировая война. Я был тогда в городке Свинцяне, около Вильно. И там без конца сменялась власть, войска – русские, немцы, поляки, большевики, литовцы, и снова поляки. Эти смены властей приносили много ужасов, и главными жертвами были мы, евреи. Каждая сторона видела в нас врагов. Одна надежда, что судьба наша в этой войне будет лучше, но я сильно сомневаюсь". Эти слова отца охладили немного мое возбуждение по поводу грянувшей войны, но все же я думал,

что, быть может, он преувеличил опасность. В детстве я слышал рассказы моих родителей о Первой мировой войне, и в глубине душе мечтал пережить нечто подобное.

Жители города были призваны рыть окопы для защиты от воздушных налетов. После обеда я пошел с отцом парк Красинского, недалеко от нашего дома, там рыли окопы. Я присоединился к сотням людей, евреям и полякам, которые работали в поте лица. Для меня эта работа была нелегкой. Впервые в жизни я занимался физическим трудом столько часов подряд. Я весь вспотел, ладони покрылись волдырями, хотел прекратить работу, и посмотрел на отца. Он тоже не был привычен к физическому труду. Видно было, что работа дается ему с трудом и большими усилиями. Мне было стыдно, и я продолжал рыть. Люди работали напряженно, с воодушевлением, поляки и евреи, один подле другого. В эти минуты мне казалось, что стенка, стоящая между евреями и поляками, антисемитизм, от которого мы страдали, частые драки с молодыми поляками, всё это скрылось за брустверами окопов, вырытых общими усилиями. Работа длилась до наступления сумерек: были вырыты сотни метров окопов, глубиной в два метра. Окопы эти змеились и меняли направление через каждые пять метров.

В эту субботнюю ночь, завершившую первый день войны, синагога "Мория" была полна молящимися евреями. Пение моего отца в этот вечер говорило мне намного больше, чем это было раньше. Это был последний раз, когда синагога была забита народом. На следующий день, в субботу, были четыре сигнала воздушной тревоги, и германские самолеты бомбили разные районы города. Выяснилось, что из-за частых налетов и отдаленности окопов в парке Красинского, мы не сможем успеть добраться туда в час опасности, и следует подготовить убежище поближе. Общими усилиями жильцов нашего дома мы привели в порядок подвал, превратили его в убежище, где и скрывались в ближайшие недели. Убрали с чердака вещи, которые там накопились за многие годы, чтобы уменьшить легко возгораемый материал, опасность пожара, если в дом попадет зажигательная бомба.

В понедельник, 3 сентября, должен был начаться учебный год, но из-за создавшегося положения, это открытие было отложено. Я не был сильно этим огорчен. В этот же день Англия и Франция объявили войну Германии, выполнив свои обещания в отношении Польши, не разочаровав, как они сделали в отношении Чехословакии. Мы очень радовались, услышав это сообщение, но радость наша сильно поубавилась в последующие дни с приходом новостей с фронта.

Сообщения о продвижении германских войск дошли до нас уже в первые дни войны. Польское радио передавало явно туманные и обрывочные сообщения о происходящем на фронте, но люди слушали передачи германских радиостанций, восхвалявших неслыханные победы германской армии, захваты, десятки тысяч пленных, огромные трофеи. Усиление бомбардировок немецкой авиацией Варшавы, множество жертв и разрушений, отсутствие самолетов польской военной авиации в воздухе, усилили отчаяние и чувство беспомощности. Но, несмотря на это, господствовало мнение, что продвижение немцев временно и является результатом внезапности нападения. С завершением всеобщей мобилизации, объявленной в Польше с началом войны, вступлением войск Британии и Франции в войну против Германии ход войны изменится к лучшему. Но этот оптимистический прогноз не оправдался.

С 3 по 7 сентября постепенно стало выясняться, что польская армия терпит поражение по всем фронтам и германские бронетанковые колонны продвигаются со всех сторон. Польская армия не была готова к этой войне. Пехотные дивизии и кавалерийские эскадроны не могли устоять против танков. Польская военная авиация большей частью была уничтожена на земле в первые дни войны, и германский военно-воздушный флот безраздельно господствовал в небе. Кроме численности и выучки германской армии, поражение польской армии нанесла ее оперативная стратегия, базировавшаяся на устаревших принципах Первой мировой войны, в то время, как германская стратегия внезапного нападения – "блицкрига" –

была основана бронетанковой мощи и сильном военно-воздушном флоте. Согласно старой стратегии 1914–1918 годов, польская армия не создала линию оборонительных укреплений, а плоские равнины Польши служили идеальным пространством для продвижения танков. Несмотря на мужество и жертвенность, польская армия оказалась легкой добычей для германских танков и самолетов.

В течение считанных дней германские танковые армии сумели вторгнуться в Польшу, взяли в гигантские клещи с севера и юго-запада огромные территории, и приблизились к Варшаве, постепенно осадив ее со всех сторон. 6 сентября нам стала ясной величина поражения. В этот день в панике эвакуировались государственные учреждения, и польское правительство бежало из столицы под покровом ночи. В прощальном обращении по радио глава польского правительства сказал, что "из-за опасности, грозящей Варшаве, правительство вынуждено оставить столицу, но полно решимости вернуться в нее после окончательной победы в войне". Также и генеральный штаб во главе с начальником генштаба Шмигли-Ридезом бежали из Варшавы на восток. 7 сентября, вечером, радио Варшавы призвало всех мужчин, способных носить оружие, уйти из города на восток и влиться там, в ряды армии. Мы были потрясены этим сообщением, отчаяние и страх охватили всех.

Множество мужчин, главным образом, евреев, с семьями начали покидать город. Все полагали, что на востоке Польши будет остановлено наступление немцев. У людей не было никакого транспорта, все двигались пешком. По улицам города шагали тысячи людей, в одиночку и группами, с рюкзаками за спинами и портфелями в руках, и все шли на восток. Это бегство длилось днем и ночью, под частый аккомпанемент сирен воздушной тревоги. Я прислушивался к колебаниям родителей, оставлять ли имущество и добираться до Свинцяна, где живут наши родственники. Я, конечно же, хотел, чтобы мы бежали в этот городок от бомбежек и всей суматохи, бушующей вокруг нас, в городок, выглядящий в эти дни, по сравнению с Варшавой, спокойным и тихим местом. Моя сестра Рахиль требовала от родителей немедленно уходить. Решение было нелегким. Шанс вырваться из города пешком перед тем, как немцы перекроют все выходы, был весьма слабым, и нелегко оставить дом, который создавался тяжким трудом столько лет. Но пока колебались – оставаться или уходить – немцы закрыли все дороги из Варшавы.

8 сентября Варшава превратилась в осажденный город. Между драматическим призывом радио Варшавы покинуть город и окончательным его окружением прошли сутки. В это столько короткое время десятки тысяч евреев все же успели вырваться из города, но сотни тысяч остались. Среди покинувших были многие из руководителей польского еврейства, главы организаций и еврейской общины, а также многие из членов и инструкторов молодежных сионистских движений. До закрытия города в нем собрались десятки тысяч еврейских беженцев из дальних и ближних городков, окружающих Варшаву, бежавших от немецких оккупантов и разрухи, нанесенной налетами германской авиации. Я видел этих людей, движущихся по улицам, целые семьи, частью на телегах, загруженных тюками, усталых, напуганных, отчаявшихся. Люди эти искали кров в городе, где господствовал хаос, в городе на грани полной разрухи и гибели.

Варшава в осаде, нет входа и нет выхода. Город превратился в крепость, и в нем – около миллиона граждан и, примерно, сто тысяч солдат, частью в виде боеспособных подразделений, частью разгромленных, понесших большие потери и разрозненной толпой добравшихся до столицы. Командующим войск, защищающих Варшаву, был назначен генерал Валериан Чума, но истинной душой защитников был мэр города Стефан Стажницкий, который возглавил гражданскую оборону после того, как правительство Польши бежало из города. Жители города были призваны встать на его защиту, рыть окопы на подступах к Варшаве. Были созданы отряды гражданской самообороны, и молодые люди были призваны присоединиться к этим отрядам. Из тысяч добровольцев были отобраны лишь сотни из-за

недостатка оружия. Жители должны были перекрывать улицы баррикадами и шлагбаумами, рыть перед ними противотанковые рвы поперек шоссе.

Я присоединился к группе в несколько десятков человек, строивших баррикаду на перекрестке улиц Дзейлена-Заменгоф. Там я встретил некоторых из моих сверстников, тринадцатилетних подростков. Из соседнего двора мы выкатили три телеги, перевернули поперек улицы. Извлекли камни из мостовой в местах, где намеревались рыть окопы, и нагромодили их на телеги. Жильцы ближайших домов притащили шкафы, кровати, старые вещи, извлеченные из подвалов. Грунт, который извлекли из противотанкового рва, послужил для укрепления баррикады. В разгар нашей работы послышался гул самолетов, и грохот взрывов, раздававшихся где-то рядом, сотряс всю окрестность. В течение считанных секунд улица опустела, и мы тоже нашли укрытие в соседнем доме. На этот раз ответственные за оборону не успели включить сирены. Зенитки, стоящие в парке Красинского открыли огонь. Спустя двадцать минут вернулась тишина, и мы продолжили свою работу.

Через несколько часов баррикада высотой в два с половиной метров была готова. Перед ней – противотанковый ров глубиной в два метра и шириной – в шесть метров. Справа от баррикады мы оставили узкий проход для прохожих. Я взобрался на баррикаду и оглядел улицу. Еще две баррикады были возведены на расстоянии двухсот-трехсот метров от нашей. В городе были построены сотни баррикад. Варшава превратилась в гигантское пространство сплошных противотанковых рвов и препятствий.

Жизнь в осажденном городе с каждым днем становилась все трудней и трудней. Налеты усилились. Самолеты врага бомбили город много раз в течение дня, и тысячи зажигательных и фугасных бомб непрерывно падали на город. Система воздушной тревоги перестала работать. Мы не знали, когда прятаться в убежища и когда их покидать. Так как бомбежку можно было ожидать в любой миг, мы перешли жить в подвал, вместе с остальными жильцами дома. Скученность в сыром, пропахшем плесенью, подвале была невероятной. В одном из углов мы расстелили одеяла на холодном и влажном каменном полу, и угол этот превратился в место нашего проживания: там мы ели и спали все дни осады.

Молодые мужчины и женщины дежурили поочередно, находясь на поверхности даже во время бомбежек. Главная их цель была – обнаруживать зажигательные бомбы, которые были небольшими, величиной с консервную банку. На месте их падения видны были искры и дым. С обнаружением такой бомбы ее засыпали песком, и, таким образом, избегали пожара. Горы песка были насыпаны во дворе, на лестничных площадках и на чердаке дома. Мы, группа детей, присоединились к взрослым дежурным, и нередко первыми обнаруживали дым, поднимающийся с чердака или угла двора, и гасили бомбу. В дни осады на наш дом упало пятнадцать зажигательных бомб, и все мы обнаружили и погасили. Обнаружение бомб и их гашение превратилось для нас в некий вид спорта, и мы соревновались в том, кто первым обнаружит бомбу. Больше всего мы боялись фугасных бомб, которые приносили большой урон домам, погребали людей под обломками, но против этих бомб мы были беспомощны.

Ночью прекратились налеты и безмолвие смерти, опустилось на город, изредка прерываемое эхом пушечной стрельбы и шумом шагов патрулей по улице. Часы эти давали отдых напряженным до предела нервам, и люди выходили из подвалов, поднимались в свои квартиры, проверяли, что там произошло, и затем немного оставались на улице. Абсолютная тьма господствовала в осажденном городе: электроснабжение города было выведено из строя налетами, и запрещено было зажигать огонь, который можно был засечь снаружи.

Молитва в канун еврейского Нового года – Рош Ашана – в синагоге "Мория" была перенесена на более раннее время, чтобы завершить ее до наступления темноты. Молиться пришли многие из жителей округа. Укутанный в талес, мой отец открыл праздничную молитву. Вид синагоги не походил на прежние годы, когда он был полон молящихся, пылали сотни

свечей, царило праздничное настроение. Теперь виднелись разбитые стекла в окнах, осколки стекла на полу, не было никакого освещения, людей было мало, и все они были охвачены страхом. Ощущалось какое-то единение десятков людей, которые использовали перерыв между налетами после полудня, и пришли на праздничную молитву в осажденном городе, в котором пылали пожары. Когда мы дошли до половины молитвы, послышался гул самолетов. Грохот мощных взрывов доносился со всех сторон, главным образом, из северных районов города. Мой отец продолжал молитву, немного колеблясь, но люди в панике стали покидать синагогу. Я молился про себя, чтобы отец прекратил молитву. Я дрожал от страха, что в любой момент дом может обрушиться (Синагога была на втором этаже). Когда мы остались совсем одни, я потянул отца за талес, и дрожащим голосом попросил его прекратить молитву. Сестра Рахиль прибежала из подвала, и ее умоляющий голос повлиял на отца. Мы спустились в убежище.

В тот же день, за два часа до наступления темноты, был один из самых жестоких и продолжительных налетов на город, особенно, на северные его районы, где были сосредоточены наиболее густо заселенные еврейские кварталы. Казалось, что немцы пытались нанести им непоправимый ущерб именно в канун праздника Рош-Ашана. На следующее утро любопытство погнало меня наружу, чтобы увидеть город после налетов. Я сумел выскользнуть из-под надзора родителей, которые запретили мне покидать убежище, взобрался на чердак соседнего дома, который был намного выше нашего. Я видел столбы дыма над многими кварталами. В разных местах виднелись разрушенные дома. Я спустился и пошел в сторону улицы Налевски. На улице было много людей, несущих вещи, охваченных страхом и паникой. Это были те, кто спасся из разрушенных и горящих домов, и теперь искал укрытие для себя и своих детей. Вдалеке виднелись люди, несущие на носилках раненых в места, где собирали всех, получивших ранения. Убитых погребали в парках, превратившихся в кладбища. Несколько десятков людей занимались извлечением раненых и погибших из-под обломков.

Налеты на город усилились и участились, увеличивая разруху и число жертв, доходивших в течение дня до сотен, а то и тысяч. В середине сентября город начала обстреливать германская тяжелая артиллерия, работа разделилась между самолетами и орудиями: днем длились налеты, ночью – артиллерийские обстрелы. Кончился ночной покой, и круглые сутки мы находились под непрекращающимся огнем.

Но и этого было мало. Начался голод. Снабжение хлебом полностью прекратилось. Хозяева продуктовых магазинов не открывали их и прятали то небольшое, что у них осталось. Продукты на черном рынке еще были, но цены на них взлетели до небес. Водоснабжение было нарушено бомбежками, и воду несли ведрами издалека. Этим занимались я и моя сестра Рахиль. С невероятным трудом добыла мать немного картофеля и соленой рыбы, и это было главной нашей пищей в дни осады. Жильцы подвала помогали друг другу, трудная жизнь сближала сердца. Воду кипятили сообща, из малого количества пищи давали немного и тем, кто ничего не сумел добыть. В первые дни войны люди еще надеялись, что обстановка изменится к лучшему: польская армия организует свои силы после отступления на восток, и с помощью Англии и Франции отгонит немцев, и даже прорвет осаду Варшавы. Все надеялись, что Германия будет вынуждена быстро вывести войска с польских территорий, чтобы сосредоточить их на западном фронте против наступления английских и французских войск. Но со временем надежды оказались напрасными, и всех охватило отчаяние. 17 сентября, к вечеру, распространились слухи, которые подтвердились в реальности спустя несколько часов: Красная армия пересекла восточную границу Польши. Вначале не было ясно, пришла ли Красная армия на помощь полякам, или это был акт раздела Польши между Германией и СССР. Когда выяснилось, что правительство Польши и генеральный штаб сбежали в Румынию, стало понятно, что действие Красной армии направлено против Польши. Мы еще не знали о пакте Молотова-Риббентропа, подписанном в Москве 23 августа 1939, по которому

был установлен раздел Польши между Германией и СССР. С 17 по 19 сентября Красная армия овладела, без всякого сопротивления со стороны поляков, территориями Белоруссии и западной Украины, которые находились под властью Польши со времен окончания Первой мировой войны. Суверенная Польша прекратила свое существование. В самой Польше еще осталось несколько очагов сопротивления немцам. До своего бегства в Румынию командующий польскими войсками дал приказ всем польским подразделениям сопротивляться до конца.

Варшава продолжала сражаться, несмотря на то, что всякая надежда был потеряна. Налеты и артиллерийские обстрелы шли непрерывно, и потери в живой силе, имуществе и технике увеличивались с каждым днем. Немцы разбрасывали листовки по городу с призывом сдаваться. В разговорах взрослых в подвале слышалось возмущение тем, что правительство бросило народ на произвол судьбы, обрекло его на страдания и ненужное сопротивление. Возмущение это росло со дня на день, и патриотический подъем первых дней войны начисто исчез. Вместо него пришли горечь и отчаяние. 25–27 сентября стали самыми тяжелыми днями с начала войны. Германское командование решило поставить город на колени. В эти дни сотни самолетов непрерывно бомбили город, сотни артиллерийских стволов не знали отдыха в течение ночи, неся гибель и разруху. Целые районы были стерты с лица земли. Другие районы были охвачены пожарами, тысячи людей погребены под обломками. Фугасная бомба большой мощности и зажигательные бомбы обрушились на наш дом в последний день осады. В панике мы бежали из дома. Я нашел убежище напротив нашего дома, не знал, что случилось с родителями и сестрой. Страх за них не оставлял меня. Спустя несколько часов я вернулся к нашему дому. Нашел свою семью в целости и сохранности. Восемь жильцов дома погибло, двенадцать было ранено.

Вечером, 27 сентября прекратились налеты, и безмолвие смерти сошло на город. Варшава сдалась. Среди еврейского населения распространились слухи, что Красная армия, находящаяся недалеко от восточного края города, войдет в Варшаву, но надежда эта испарилась, когда были расклеены листовки городской комендатуры, сообщающие о том, что Варшава сдалась немцам. В следующее утро тысячи людей вышли на улицы из подвалов, где смерть свирепствовала над их головами. Чувства, охватившие всех, были странными. С одной стороны, радость в связи с прекращением налетов и обстрелов, с другой, – страх перед тем, что предстоит нам, евреям под властью немцев. Германская армия еще не вошла в город. Я, моя сестра Рахиль, наши товарищи, вышли прогуляться. На улицах все еще бушевали сильнейшие пожары, люди ковырялись среди обломков домов, искали родных, близких, знакомых. На перекрестке улиц Заменгоф и Новолипской валялись трупы лошадей, погибших во время бомбежки, и некоторые из прохожих суетились около них и отрезали куски мяса. Над скелетами лошадей вились рои мух, стаи птиц. На площади Красинского польские солдаты складывали оружие. Я видел со стороны, как приходили сотни солдат и офицеров, и куча складываемого оружия росла на глазах. Я видел солдат и офицеров, которые смахивали с лица слезы, прощаясь с оружием. Вдруг к этой груде оружия подошли двое граждан выхватили оттуда пистолеты и скрылись в ближайшем переулке. Искры подпольного сопротивления германским оккупантам вспыхнули уже в первый день сдачи Варшавы.

Четверть домов города было разрушено, пятьдесят тысяч жителей погибло, и было ранено. Сотни тысяч осталось без крыши над головой. Германская армия вошла в город 30 сентября. Варшава была оккупирована немцами.

2. Под властью германии: октябрь – декабрь 1939

В первые же дни оккупации мы почувствовали то, что ожидает евреев под властью нацистов. В целях пропаганды германская армия раздавала продукты голодному населению. Грузовики и полевые кухни стояли в центральных местах города, и с них давали хлеб и суп. К ним выстроились длинные очереди. Но когда приближались к раздаче евреи, простаивающие долгие часы в очереди, германские солдаты их изгоняли. В местах раздачи, рядом с германскими солдатами стояли поляки и указывали на евреев. Я был этому свидетелем, ибо сам стоял в очереди за хлебом на улице Лешни. К счастью, ни немцы, ни поляки, помогавшие им, не признали во мне еврея, и я вернулся домой с буханкой хлеба.

Германские солдаты и офицеры нашли оригинальный способ издевательств над евреями, особенно обладателями бороды и пейс, и одетых в "капоты", на которых немцы впервые наткнулись в Польше. Вооруженные ножницами, они разъезжали по улицам, задерживали евреев с бородами, и срезали их наполовину, а также одну из пейс, часть волос с головы – в любой форме, на которую способно было их дикое воображение. Иногда они выдергивали и выщипывали бороды. Эти "процедуры" срезания и выдергивания обычно сопровождались избиением. Евреи с бородами и пейсами старались не выходить на улицу. Были евреи, которые, во избежание этих издевательств, сами срезали у себя бороды и пейсы и надевали обычные одежды. В один из октябрьских дней я видел шесть старых евреев, тащивших из последних сил телегу, в которой сидели два германских солдата и подгоняли стариков, требуя от них двигаться быстрее.

Германские солдаты ворвались однажды утром в синагогу "Мория", выгнали молящихся в талесах и филактериях, и приказали им плясать посреди улицы. Из окна я смотрел на пляшущих евреев. Не было предела издевательствам немцев над евреями. В те дни это казалось нам пределом зла. Мы и представить себе не могли, что это лишь начало.

Имущество и сбережения евреев были брошены на разграбление. Вначале отдельные солдаты хватали евреев на улицах, или входили в их дома и забирали деньги и драгоценности. Из дня в день грабеж расширялся. Немцы приезжали на грузовиках к еврейским магазинам и мастерским и забирали все товары. Так они очистили мастерские по шерстяным и кожаным изделиям на улицах Генше, Налевки, Францисканской. Целые улицы внезапно перекрывались, немецкие солдаты шли из дома в дом, из магазина в магазин, забирали деньги, золото, драгоценности, меха. Евреи не знали, берут ли немцы все это себе, или конфискуют от имени властей. В середине октября был опубликован приказ, разрешающий евреям держать лишь две тысячи злотых, а все остальные деньги внести в банки. В то же время все счета евреев были заморожены. Они имели право снимать со счета не более 250 злотых в неделю. Все эти запреты потрясли евреев, большинство из которых и так осталось без работы и заработков.

Немцы стали хватать евреев на улицах и заставлять их разбирать развалины, убирать улицы, дома, уборные и мусорные свалки. Большинство этих работ они делали без всякого рабочего инструмента, да еще подвергались избиениям и издевательствам. Выходить мужчинам на улицы было по-настоящему опасно. Однажды мой отец вышел утром рано и вернулся поздно вечером, усталым и подавленным. Весь этот день мы испытывали страх за его судьбу. Отец рассказал, что недалеко от дома его схватили немецкие солдаты и послали вместе с двумя десятками евреев убирать развалины. С тех пор отец не выходил на улицу, и я, которого не хватали из-за моего малого возраста, ходил по разным делам, приносил из дальних мест воду. В начале октября немцы назначили "юденрат" – еврейское самоуправление, как официальное представительство евреев Варшавы, включающее 24 члена. "Юде-

нрат" попросил власть воздержаться от захвата евреев на улицах. "Юденрат" возглавил Адам Черняков, который во время осады исполнял должность председателя еврейской общины города после того, как прежний глава общины покинул Варшаву. Черняков предложил властям посылать каждый день на работу 500 евреев, но не хватать их на улицах. Немцы согласились. "Юденрат" создал "рабочий батальон", который выполнял все требования немцев. Добровольцы получали от "юденрата" мизерную оплату. Но, вопреки всему этому, на улицах продолжали хватать евреев. Один отдел городской власти обещал не хватать на улицах, другой продолжал это делать. Это было результатом размножения различных отделов германского городского управления: армии, эс-эс, уполномоченных оккупационных областей по экономическому использованию Польши.

26 октября опубликовано было сообщение о завершении военного режима по всей оккупированной территории Польши, и замены его гражданской властью. Районы центральной Польши, включая большие города – Варшаву, Люблин и Краков – были определены как единое государственное объединение – генерал-губернаторство. Ветеран нацистской партии Ганс Франк был назначен верховным наместником с правительственной резиденцией в Кракове, а не в Варшаве, столице Польши. Западные области Польши, включающие польскую Помогу, Силезию и район Лодзи, были аннексированы Германией и стали частью "рейха".

Спустя несколько дней, после создания генерал-губернаторства, "юденрату" было приказано произвести перепись еврейского населения Варшавы, что и было сделано в последние дни октября: в городе проживало 360 тысяч евреев. Перепись вызвала большую тревогу и страх среди евреев, ибо цель этой акции была неизвестна.

Из аннексированных Германией областей началось изгнание и насильственное переселение евреев в район генерал-губернаторства. В Варшаву прибыли десятки тысяч еврейских беженцев с небольшим скарбом, ибо главное их имущество было оставлено на прежнем месте. Положение их – без жилья и средств на жизнь – было очень тяжелым. Кое-какую помощь давал им "юденрат". Лишенные всего, смотрели беженцы с завистью на евреев Варшавы, все еще проживающих в своих домах.

Гестаповец, штандартенфюрер Эс-Эс доктор Рудольф Бац, сообщил Чернякову 4 декабря, что все евреи Варшавы будут сосредоточены в одном районе, где будет создано гетто. Это сообщение мгновенно разнеслось по всей еврейской общине Варшавы, и люди начали покидать свои дома со всем своим имуществом и переходить в тот район, который, по слухам, и должен был быть превращен в гетто. И в наш дом, который соседствовал с предполагаемым районом гетто, начали приходить знакомые из других районов с просьбами гарантировать им жилье у нас. Паника, связанная с гетто, длилась несколько дней, пока "юденрат" не объявил, что создание гетто откладывается на неограниченный срок.

Декрет о гетто был отменен после встречи Чернякова и нескольких членов "юденрата" с военным комендантом Варшавы генералом Нойманом-Нойруде. Черняков опротестовал приказ штандартенфюрера Баца о создании гетто, указав на трудности, которые это принесет населению Варшавы. Нойман-Нойруде отменил этот приказ, и евреи Варшавы получили отсрочку на целый год, пока не были переведены в гетто в ноябре 1940 года.

В начале ноября я праздновал свое совершеннолетие – бар-мицва. Готовиться к чтению "гафтары" – заключительной молитвы недельного чтения Торы, и толкования я начал еще до начала войны. Спустя несколько дней после прихода немцев в город, в разгар издевательств над евреями на улицах, отец объявил мне, что я должен возобновить подготовку к церемонии. Я предложил мое "восхождение к Торе" сделать без чтения комментария, но отец твердо стоял на том, что в любых условиях мы будем придерживаться традиций Израиля и проведем церемонию совершеннолетия. В одну из суббот начала ноября я "взошел к Торе". В синагоге собралось немного евреев, моя мать сидела в женской половине. Во время чтения "гафтары" мы слышали шум мотора автомашины, остановившейся недалеко от сина-

гоги и голоса немцев. Я прекратил чтение, и безмолвие воцарилось в синагоге. Мы боялись, что сейчас ворвутся сюда германские солдаты и начнут издеваться над нами, как это часто случалось в последнее время. Через несколько минут снова послышалось урчание мотора, и машина начала удаляться. Мы вздохнули с облегчением и продолжили чтение. Церемония закончилась благополучно.

В один из дней конца ноября всех нас потряс трагический случай, происшедший недалеко от нашего дома. Еврей, человек "преступного мира", убил польского полицейского на улице Налевки, 9. Это было уголовное дело. Немцы разрешили польской полиции функционировать, получившей прозвище – "голубая полиция", и она служила немцам верой и правдой. После убийства поляка-полицейского, было арестовано 53 еврея, проживавших в этом доме, и от "юденрата" потребовали внести в течение двух дней штраф – 300 тысяч злотых в качестве условия освобождения арестованных. В случае неуплаты штрафа арестованные будут расстреляны. Сумма была нешуточной, "юденрат" объявил сбор денег среди евреев Варшавы. Штраф был оплачен. И, несмотря на это, все евреи, находившиеся под арестом, были расстреляны. Это был первый большой расстрел евреев. Он вызвал невероятное потрясение в еврейской среде.

1 декабря вышел приказ: все евреи, от 12 лет и старше, должны носить на правой руке белую повязку с изображением синего щита Давида – "магендавида" – на белом фоне. Этот знак должен был облегчить немцам – отличать евреев среди толпы на улицах, унижать их и издеваться над ними. Мама приготовила белые повязки для всех членов семьи, и я нарисовал на них знак "магендавида", как было постановлено немцами: каждая сторона шестиконечной звезды – не менее 3 сантиметров длиной и одного сантиметра шириной.

Идя по улице с этой повязкой на руке, я испытывал одновременно гордость и унижение. Я гордился синим "магендавидом", символом, с которым солидаризировался. Я ведь получил сионистское воспитание, учился в ивритских школах – "Явне", "Тарбут", "Тахахмони", и за несколько месяцев перед войной вступил в "сионистское движение". Шагая по улицам Варшавы первого декабря, я убеждал себя, что мне следует носить этот знак на руке с гордостью. Но тот факт, что эту повязку я был вынужден надеть по приказу нацистских оккупантов, унижал меня. Я был уверен, что все, надевшие впервые эту повязку, чувствовали то же самое, что и я. На одной из улиц я наткнулся на ватагу молодых поляков, которые высмеивали евреев с повязками и кричали "Жида, отправляйтесь в Палестину!" Дружба и сплоченность между евреями и поляками в период осады исчезли в первые месяцы германской оккупации. Вспышки антисемитизма среди поляков, избиение евреев, грабеж их имущества, доносы на евреев, стали каждодневной реальностью. И все же следует сказать, что было немало поляков, которые выражали поддержку евреям и реально им помогали. Но большинство польского населения оставалось равнодушным или враждебным к евреям. Издевательства, унижения, грабеж имущества, захват на улицах, избиение и убийства евреев, стали неотъемлемой частью каждодневной реальности евреев под германской оккупацией.

В первые же недели оккупации евреи начали покидать Варшаву и другие области, и двигаться в сторону восточных земель, аннексированных СССР. Граница между районами под властью Советского Союза и районами, оккупированными нацистами, не была закрыта герметически. Также происходил обмен территориями между сторонами. В первый период переход не был относительно трудным. Десятки тысяч евреев, главным образом, молодых, значительной частью выходцев из восточных польских земель, имеющих там родных, использовали возможность, и перешли в эти земли. Число евреев, пересекших границу законно и незаконно, насчитывало 300 тысяч человек. И все же многие не использовали эту возможность из-за трудностей дороги и опасностей, поджидавших евреев, и, главным образом, из-за крепких семейных связей, столь характерных для еврейства Польши. Не меньшую роль играла привязанность к месту проживания, необходимость оставить все иму-

щество, финансовые трудности на советской территории, и требования властей, вынуждающих беженцев оставлять пограничные территории, и передвигаться в глубину СССР. Евреи, оставшиеся под властью нацистов, еще не знали, что им готовит грядущий день, и даже представить себе не могли в самом страшном сне, что их ждет массовое уничтожение, которое началось спустя два года. В тот первоначальный период германской оккупации обладатели виз в нейтральные страны получали разрешение на выезд. Из Варшавы небольшое число семей евреев, обладателей сертификатов, выехал в страну Израиля.

Мои родители решили, что моя шестнадцатилетняя сестра Рахиль уедет в город Свинцян, находящийся в зоне советской власти, и она покинула Варшаву в конце октября. Мы не знали, как она проехала и прибыла ли благополучно на место. Мы очень беспокоились, несмотря на то, что границу свободно пересекали: много опасностей поджидало в пути, особенно молодую девушку. Спустя месяц она вернулась. Рахиль рассказывала о спокойной жизни в Свинцяне, о хорошем отношении советских властей к евреям, о том, что многие из жителей города получили высокие должности в местном городском управлении, должности, доступ к которым евреям при польской власти был заказан. Она привезла приветы от всех родственников, которые просили нас вернуться в Свинцян.

В это время прибыла в Варшаву советская делегация, занимающаяся возвращением белорусов и украинцев в Советский Союз. Согласно пакту дружбы и пограничному разделу, заключенному между СССР и Германией 28 сентября 1939, могли люди немецкой национальности в СССР перейти в Германию, а белорусы и украинцы, находящиеся в зоне германской оккупации, перейти в СССР. Евреи, чье место рождения было в зоне, занятой советской властью, полагали, что они тоже включены в соглашение об обмене населением. Переходящие в зону советской власти с помощью делегации, имели право брать с собой все свое имущество, и условия перехода были более легкими. Мой отец полагал, что мы, уроженцы города Свинцян, который был присоединен к западной Белоруссии, сможем туда вернуться в рамках этого соглашения об обмене населением.

Шли недели, но так и не было ясно, включены ли евреи в соглашение. В начале декабря граница между советскими и германскими территориями Польши была закрыта. В советскую зону можно было попасть лишь незаконным путем: тайно пересечь границу. Польские контрабандисты и еврейские посредники занимались этим делом за немалые деньги. Отец решил, что я и моя сестра пересечем границу и доберемся до Свинцяна, а он с матерью будут ждать, пока прояснится ситуация с обменом населения. По наводке еврея отец связался с двумя проводниками, которые обязались за 250 злотых провести нас обоих до первой железнодорожной станции в советской зоне.

Расставание с родителями было тяжким. Мама с трудом сдерживала слезы. Я тоже старался не плакать. Отец успокаивал нас, что очень скоро мы все увидимся в Свинцяне. Поцелуи, последние жесты прощания, машем друг другу руками, и расстаемся. Утро 24 декабря 1939.

В канун Рождества я последний раз в жизни видел родителей.

Польский проводник довел нас до железнодорожной станции вместе с еще одной парой евреев и их пятнадцатилетним сыном. По плану мы должны были доехать на поезде близко к границе, и пересечь ее на санях. Перед вокзалом в Варшаве мы сняли повязки. Евреям, пойманным без повязки, полагалось серьезное наказание, но поездка в поезде с повязкой тоже была опасной. На станции германские патрули время от времени проверяли пассажиров. Поездка до станции Шидлец, расположенной вблизи границы, заняла несколько часов. Прибыли мы туда до полудня. На станции нас ожидал крестьянин, один из проводников, на санях. Мы продолжили путь боковыми проселочными дорогами до села на самой границе. Дорога была заснежена, стоял мороз. Время от времени мы соскакивали с саней и бежали рядом, чтобы согреться. Мы наткнулись на германский конный патруль, которые остановили

нас и стали расспрашивать, куда мы едем. Мы объяснили по-польски, что мы из городка под Варшавой, дом наш разрушен в дни войны, и мы едем к родственникам в смежное с дорогой село. Нам разрешили продолжать путь. К вечеру мы добрались до маленького села, в четырех километрах от границы по реке Буг. Нам приказали оставить чемоданы и рюкзаки на сеновале, и мы зашли в дом проводника – согреться.

Шли часы напряженного ожидания. Проводник отправился куда-то, и мы остались с членами его семьи. Стемнело рано. Мы ждали возвращения проводника. Он появился восемь часов вечера и приказал нам быстро забраться в сани. Когда мы спросили, что будет с нашими вещами, он ответил, что их подвезут на других санях, мы должны торопиться, ибо германский патруль приближается к селу. Снова мы ехали несколько часов, и падающий снег покрывал нас белизной. Внезапно сани остановились. Мы стояли на берегу Буга. Река замерзла и была покрыта снегом. Место было пусто, вокруг ни одного огонька. Проводник шепотом приказал сойти с саней, ибо лед еще не настолько крепок для того, чтобы по нему двигались сани с лошадьми. Он указал на купу деревьев, которые были ясно видны на фоне снега, на противоположном берегу реки, велел нам идти до этих деревьев, и там встретиться с ним. Он предупредил, что мы должны идти отдельно, чтобы лед под нами не обломился. Первой пошла пара с сыном, а мы – за ними. Делая первые шаги, я боялся, что лед треснет, и мы окажемся в ледяной воде. Но лед был крепок. Мы добрались до противоположного берега, до купы деревьев. Семья, шедшая перед нами, уже была там.

Мы ждали проводника, время шло, а он не появлялся. Постепенно мы стали понимать, что проводники нас обманули. Они получили с нас деньги, забрали вещи и оставили нас на советской стороне реки Буг. Мы начали двигаться на восток по советской территории, явно отставая с сестрой от семьи, так что вскоре потеряли ее с виду. Остались одни. Продолжали идти. Прошло несколько часов, пока услышали издали собачий лай. Пошли на эти звуки и добрались до одиноко стоящего дома. Постучали в дверь. Сначала не было никакого ответа. Затем за дверью послышались шаги, и голос спросил, кто мы и что нам нужно. Рахиль ответила, кто мы, и что мы хотим добраться до ближайшей железнодорожной станции, и попросила впустить в дом погреться. После долгого молчания дверь открылась, и мы вошли в дом. Хозяин объяснил, что не зажег лампы, ибо советские пограничные патрули, охраняющие границы, увидев свет, тут же появятся. Мы согрелись, и в утренние часы продолжили путь. Хозяин показал нам дорогу, и отметил, где находятся пограничники.

С рассветом мы пришли к дороге, по которой крестьяне ехали до ближайшего городка. Они были привычны в последние месяцы – встречать в районе границы людей, пришедших с той стороны, поэтому не задавали вопросов. За оплату крестьянин довез нас до городка Симьятов, а оттуда – до железнодорожной станции, где мы впервые увидели красноармейцев. Мы боялись, что они нас арестуют. Но они не обращали внимания на двух детей, которые, очевидно, не вызывали никакого подозрения. Мы доехали на поезде до Белостока. Через 24 часа мы были в Свинцяне.

3. Под советской властью: январь 1940 – июнь 1941

Город Свиньян, в котором я родился, находится в 85 километрах северо-восточнее Вильно. Население его составляет девять тысяч душ, треть из которых – евреи. Остальные – литовцы, поляки, белорусы, русские и татары. В этническом плане через город пролегла граница. Западнее находились литовские села, восточнее – белорусские. Но город являлся областным центром многих десятков сел и городков округи.

Профессии евреев, дающие им средства на существования, возникли из потребностей сельского населения. Евреи были ремесленниками, торговцами, изготовителями мелких промышленных изделий, вспомогательных инструментов для ведения сельского хозяйства. В период польской власти культурная жизнь евреев городка была весьма оживленной и разнообразной. Большинство еврейской молодежи получало образование в ивритской школе "Тарбут" или в идишской школе "Фольксшул" (Народной школе), а продолжать учебу уезжала в Вильно. Центрами культурной жизни там были "Культурная лига", "Общество еврейского образования", библиотека, небольшой театр, оркестр, спортивные клубы "Макаби" и "Апоэль". Политическая жизнь была сосредоточена в различных политических партиях, в Движении "Молодой первопроходец (халуц)", в Киббуце по подготовке к репатриации в страну Израиля. В городке так же были активны кружки "Бунд" и подпольная коммунистическая группа.

Избранный комитет общины, представляющий все ее слои, руководил жизнью еврейского общества.

Религиозная жизнь протекала в двух больших синагогах и в небольших молитвенных домах. Евреи имели своих представителей в совете мэрии, и, так как представляли самую большую национальную группу в городке, заместителем мэра был еврей.

Городок располагался по обе стороны главной улицы Вильно и на боковых, примыкающих к ней улицах. Центром городка был рынок, являющийся также торговым центром. Сотни крестьян приезжали сюда на телегах в рыночные дни, продавали свою продукцию, и покупали необходимые им вещи. Здесь происходила главная встреча евреев городка и крестьян округи. Шум рынка и грохот катящихся тележных колес по булыжникам мостовой долетал до любого уголка городка. К вечеру рынок пустел, и безмолвие опускалось на городок. Легковой автомобиль или грузовик были здесь явлением редким. Евреи жили в центре городка, вокруг рынка и в районе синагог, называемом "Шулхойф" (на идиш – Синагогальный двор). В большинстве своем дома городка были деревянными и одноэтажными. Над плоским пространством городка возвышались две церкви – католическая и православная, и звон колоколов разносился несколько раз в день по всему городку. Это был мой городок, каким я его запомнил в годы раннего детства.

Теперь городок, каким я его нашел, абсолютно изменился. Улицы и дома стояли на тех же местах, но пульс жизни был иным. Советская власть и новый режим создали и новую действительность. Рынок, бывший центр жизни городка, дышал мерзостью запустения. Крестьяне перестали привозить свою продукцию, ибо за вырученные деньги ничего не могли купить. Частная торговля приказала долго жить, а в государственных магазинах можно было приобрести лишь соль и спички. Крестьяне предпочитали обменивать сельскохозяйственную продукцию на товары, которые бывшие торговцы припрятали, боясь конфискации. Вся торговля велась тайком от властей.

Советская власть одним махом уничтожила жизнь евреев и их предприятий, которые строились тяжким трудом поколений в борьбе за существование. Еврейская община была разогнана, партии, спортивные клубы, организации взаимопомощи, культовые и культурные учреждения упразднены, ивритская школа "Тарбут" закрыта, школа на идиш "Фольксшул"

превратилась в государственную школу на языке идиш. План обучения был в корне изменен: отменены были все предметы по изучению иудаизма – ТАНАХ, еврейская история и литература, и вместо этого введены такие предметы, как история СССР, марксизм и тому подобное. Еврейская библиотека была переведена в общую городскую библиотеку, изъяты все книги на иврите, а на идише те книги, содержание которых было национальным. Часть синагог была конфискована и превращена в воинские склады или зернохранилища, куда обязали крестьян свозить урожай в закрома государства. Особенно пострадали традиционные еврейские профессии, дающие им средства на существование. Частная торговля была запрещена, мелкие промышленные предприятия национализированы, ремесленники организованы в кооперативы. Часть евреев, потерявших заработки, устроились в государственные учреждения по экономике. А в образовательную систему принимались лишь местные коммунисты или работники, приехавшие из СССР. Их местные жители называли "восточниками". Среди местных коммунистов и приезжих из СССР процент евреев был высок.

Свинцян был пограничным городом, и новая граница между СССР и Литвой пролегла в 3 километрах западнее города. С Вильно городок был ранее связан культурно и экономически. Теперь связь была абсолютно прекращена. По советско-литовскому соглашению от 10 октября 1939, город Вильно, находившийся под советской властью три недели, переходил к Литве. Литовцы считали город Вильно своей исторической столицей и боролись с поляками за его владение. Советы пошли навстречу литовцам, но за это СССР было разрешено содержать воинский гарнизон на литовской земле. Свинцян не был включен в область, переданную литовцам, а вошел в Белорусскую советскую республику. Возникшая политическая реальность привела к полному отделению и прекращению культурной и экономической связи городка с Вильно и с большей частью сельской округи.

Из-за близости городка к границе, "буржуа" и "ненадежные элементы" были удалены из пограничных районов. Среди них были десятки евреев. Беженцев, прибывших в городок, тоже приказано было удалить, и мы с сестрой опасались, что и нам придется оставить городок, несмотря на то, что мы уроженцы этого места.

В конце 1939 – начале 1940 евреи пытались пересечь лежащую близко к городку границу в сторону Литвы. В большинстве своем это были члены молодежных сионистских движений, которым помогали местные ячейки "Молодых первооткрывателей (халуцев)" и проводники покинуть территории, управляемые советской властью. Они надеялись через Литву добраться до страны Израиля. К весне 1940 усилилась охрана границы советскими пограничниками, и переходы прекратились.

Первые недели нашего проживания в Свинцяне прошли в ожидании наших родителей, но недели оборачивались месяцами, а от них не было никакой весточки. Нам стало известно, что переход границы между советской и германской территориями труден и невероятно опасен. Обе стороны в значительной степени усилили охрану границы. Немало людей, пытавшихся ее пересечь, погибло, было ранено или арестовано. Спустя несколько месяцев пришло письмо от наших родителей, в котором они писали, что, несомненно, нам известны трудности перехода через границу, и они все еще надеются добраться до нас законным путем, с помощью комиссии по обмену населением. В одном из следующих писем родители писали, что по Варшаве распространяются слухи о том, что, быть может, евреям будет дана возможность уехать в страну Израиля, и родители даже предлагали нам вернуться в Варшаву. Меня буквально "очаровала" мысль о возвращении к родителям и отъезде в страну Израиля, но родственники советовали не возвращаться, тем более, что не было никакой законной возможности вернуться. В последующих письмах больше не упоминалась возможность отъезда в страну Израиля, и вопрос о нашем возвращении в Варшаву сошел с повестки дня. Мы посылали родителям продуктовые посылки по почте. Связи по почте с родителями продолжались до начала войны между Германией и СССР, грянувшей в конце июня 1941.

Так как я учился в ивритской школе "Тарбут", мои знания языка идиш не давали мне возможности поступить в еврейскую государственную школу. Я записался в русскую школу, где уровень знания русского языка учеников был низким. В этой школе мы получали марксистское образование в самой интенсивной форме. Учебники и хрестоматии, беседы с воспитателями, песни и фильмы – все это было во имя внедрения в учеников коммунистической идеологии. Большинство учеников ранее занималось в ивритской школе "Тарбут". Несмотря на столь интенсивное приобщение к марксизму, мы оставались верным сионистской идее. В беседах между нами мы этого и не скрывали.

В эти дни я завязал дружеские связи с группой ребят моего возраста, с которыми в будущем прошел длительный путь в гетто и партизанском движении. Среди них были мои одноклассники Гришка Бак, Рувка Миацжилский, мой двоюродный брат Иоська Рудницкий, все трое бывшие ученики ивритской школы "Тарбут", Мишка Шотан и Мотка Зайдель из бывшей идишской школы "Фолксшул". В нашей компании были и девушки – Беба Шнайдер, красивая блондинка, обладательница длинных кос, моя первая любовь, и Шейнка Коварска. В долгие зимние вечера, когда снег доходил до половины высоты дома, и мороз снаружи достигал 30 градусов, мы собирались в одном из домов, вели беседы, играли. Летом мы выходили в поля или уходили купаться на озера в Березовке или Кохановке, находящихся в нескольких километрах от городка. С помощью дяди Хаима Натана Хермеца, старше меня на пять лет, который в прошлом был активным членом движения "Молодой халуц", я присоединился к группе из двадцати бывших членов этого движения, и мы продолжали сионистскую деятельность в подполье. Душой группы был Юдке Шапиро, а я был самым юным в компании. У нас была подпольная библиотека, в которой хранились книги из школы "Тарбут", спасенные до того, как советы конфисковали школьное здание. Книги эти переходили из рук в руки. В те дни я, тайком от моих родственников, прочитал книги "Ханита" (Копье), "Рамат Аковеш", "Агордим ба цафон" (Каменщики на севере), "Сефер Ашомер" (Книга стражей). В один из дней мы решили увеличить запас книг. Мы знали, что в подвале школы "Тарбут" есть еще книги на иврите. Ночью мы пробрались в здание, в котором располагалось государственное учреждение, и извлекли из подвала десятки книг. В результате этой "операции" я получил возможность с жадностью прочитать "Любовь к Сиону" и "Обвинения самаритянина" Авраама Мапу.

Мы собирались в домах товарищей из группы, в полях или около озера в Березовке на "невинные" товарищеские встречи, а по сути, наши беседы были посвящены стране Израиля, надеждам на репатриацию в эту страну, необходимости хранить верность сионистской идее. В те дни многие евреи, как говорится, сменили кожу, превратились в пламенных коммунистов. В субботние ночи мы пытались ловить радиопередачи из страны Израиля, и иногда нам удавалось слышать "Голос Иерусалима". В эти минуты мы сидели, оцепенев, вслушиваясь с большим волнением в голоса на иврите, доходящие до нас из приемника. Когда позволяли условия, мы пели ивритские песни. Мы тщательно хранили в тайне нашу небольшую подпольную ячейку, ибо сотрудники НКВД следили за любой антисоветской деятельностью, и были евреи, готовые по идеологическим причинам доносить властям о любой сионистской деятельности.

Жизнь была ко мне добра. Теплая атмосфера большой родни окружала меня. Помощь Рахили, еврей городка, которых я любил, окружающая природа, к которой я был привязан с детства, друзья и связь с подпольем, юношеская любовь к Бебе, мой природный оптимизм – все это превратило этот период в один из счастливейших периодов в моей жизни. И это несмотря на тревогу за судьбу родителей. В это время я повзрослел быстрее, чем товарищи в моем возрасте, стал самостоятельным, обрел уверенность в себе. Все это было отличной прививкой, позволившей выстоять перед будущими событиями моей жизни. Это был последний период моего детства и юности, и было мне пятнадцать лет.

Летом 1940 произошли политические события в нашей округе, отразившиеся на судьбе городка Свинця. По московскому радио было передано сообщение об исчезновении советских солдат из гарнизона в Литве. Советы обвинили литовское правительство в помощи захватчикам красноармейцев, чтобы добыть у них сведения о советских войсках, расположенных в Литве. От правительства Литвы впредь требовалось принять меры против таких захватов. Не помогли никакие отрицания и попытки литовцев снять с себя ответственность.

14 июня 1940 года советский министр иностранных дел Молотов передал ультиматум правительству Литвы с требованием отдать под суд министра внутренних дел и главу службы безопасности Литвы, ответственных за антисоветские провокации. От литовцев требовали создать новое правительство, дружественное СССР, и разрешить вступление дополнительных советских войск в Литву. Время ультиматума истекало на следующий день, 15 июня, в десять часов утра.

Уже в начале июня мы видели в Свинцяне необычное движение советских войск. Танковые подразделения, пехота и артиллерия занимали позиции в рощах, недалеко от городка. Ближе к вечеру, 14 июня, и в ночь воинские части прошли через городок в сторону литовской границы. 5 июня, в три часа перед рассветом, 7 часов до истечения ультиматума, советская армия пересекла границу Литвы, и помощью военных гарнизонов, находящихся на литовской территории, овладела литовским государством. Правительство и президент Литвы бежали в Германию. В Литве возникла просоветская власть, и более 99 процентов населения страны проголосовало за "Рабочий фронт", находящийся под руководством коммунистов. 3 июля Литва стала советской социалистической республикой, одной из республик Советского Союза.

Свинця был присоединен к Литовской советской республике. Обновленная связь с большим еврейским населением Вильно, городом, являющимся культурным центром для евреев Свинцяна, пробудил надежды на пробуждение еврейской жизни в городке. Но спустя некоторое время были рассеяны и отменены еврейские учреждения и в Вильно (Вильнюсе), как это было сделано раньше в городке. Нам удалось установить связь с членами вильнюсского "Халуца", тоже ушедшего в подполье, и в один из дней прибыл к нам их посланец. Эта связь была нам очень важна. Чувство, что мы не одиноки, поддерживало нас. Нам стало известно, что советская власть дает визы на выезд евреям, у которых есть сертификаты на въезд в страну Израиля или в другие страны, и что сотни евреев уезжают. Пробудилась надежда, что, может быть, и нам удастся уехать. Путь евреев, покидающих СССР, пролегал через Турцию, Иран, Китай и Японию – в страну Израиля или в США. Большинство евреев, покидающих Литву, было беженцами из Польши, лидерами еврейских партий, раввинами и учениками религиозных школ – ешиботниками. Выезд продолжался до мая 1941: несколько тысяч евреев получили разрешение на выезд. В мае власти неожиданно прекратили выезд. Надежда, что и нам, быть может, удастся уехать, была потеряна.

14 июня 1941 года городок был шокирован. Части НКВД и милиции изгнали из домов сотни людей, арестовав их и членов их семей. Большинство арестованных было бывшими служащими польских властей, землевладельцами и богачами в прошлом, польскими офицерами, активистами разных партий (исключая коммунистов). Эта ночная акция была проведена по всей Литве, примерно, около 30 тысяч человек были арестованы и депортированы в Сибирь и Казахстан. Среди них было 5–6 тысяч евреев – лидеры и активисты еврейских и сионистских партий, богачи и беженцы из Польши. Из Свинцяна увезено было несколько десятков семей. Мы знали многих из депортированных, и это были, главным образом, люди элиты местного еврейства.

Депортация посеяла страх во всех слоях населения. Распространялись слухи, что грянут новые волны выселений. Советский режим который и так не был принят большинством населения Литвы, вызвал ненависть к себе этой депортацией. Несмотря на то, что среди высланных были тысячи евреев, депортация усилила антисемитизм и ненависть к евреям, участие которых в партийном аппарате, помогающем выселению, был относительно велико. В этой атмосфере страха перед новыми выселениями и усиления ненависти к советскому режиму и евреям, войска нацисткой Германии пересекли границы СССР 22 июня 1941.

4. Снова под германской властью

Воскресный день 22 июня 1941 был чудесным солнечным днем лета, днем отдыха. Рано утром, мы, группа молодежи, пошли к озеру в Березовке, в четырех километрах от городка. Кроме необычного шума самолетов в воздухе, который, в общем-то, нас не тревожил, ничто не нарушало утренний покой, полей и рощ, по которым мы шли. Мы вышли рано, чтобы искупаться в озере до того, как нахлынет множество народа, но почему-то никто не пришел вслед за нами, и это было очень странно. Мы решили вернуться. Спросили первых встречных в городке, случилось ли что-то, и от них мы узнали слухи о том, что грянула война между Германией и СССР. Это нас просто ошеломило. Не было на это никаких намеков в советских газетах и сообщениях радио. Наоборот, время от времени публиковались статьи и шли радиопередачи о том, что пакт Молотова-Риббентропа выполняется по всем пунктам. В центре городка мы пришли именно в тот момент, когда министр иностранных дел Советского Союза Молотов начал свое сообщение по московскому радио о германском наступлении, и из его уст это услышали все граждане СССР. Было 11 часов. Сотни людей собрались у громкоговорителя в центре городка, когда Молотов начал говорить:

"Граждане и гражданки Советского Союза. Сегодня утром, в четыре часа, без объявления войны и без предъявления обвинений Советскому Союзу, германские войска атаковали нашу страну. Нападение было вероломным, и нет ей примера в истории культурных народов мира..." Голос Молотова эхом отзывался во всех углах городка. Дрожь охватила меня при слушании этого обращения. Видения осажденной Варшавы встали перед моими глазами. Никто в толпе слушателей не проронил ни звука, все, оцепенев, слушали речь Молотова, который продолжал объяснять, что нападение было совершено, несмотря на то, что Советский Союз выполнил все, что возложено было на него советско-германским пактом. Он завершил свою речь словами, ставшими затем девизом войны советского народа: "Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами".

Германское наступление немцев началось на рассвете. 150 дивизий атаковали на фронте от Балтийского до Черного морей – протяженностью в 3000 километров. В направлении главного удара действовало 30 бронетанковых и механизированных дивизий в количестве 3500 танков, и военно-воздушный флот, ведущий тактические операции против советских военных аэродромов. Атака германских войск шла по трем направлениям. На северном фронте главным усилием было прорвать фронт в сторону стран Прибалтики и Ленинграда. В центральном направлении атака шла через Белоруссию в сторону Москвы. На южном направлении атака была направлена в центр Украины. Союзники Германии – Финляндия, Румыния, Венгрия и Италия – присоединили свои силы к этим атакам. Действующие силы регулярных войск Красной армии были малочисленны и не могли противостоять качественно и количественно внезапно атаковавшим их превосходящим силам противника, хотя по количеству танков намного превосходили атакующие войска. Но внезапность германского нападения, неверное построение обороны, "чистки" тридцатых годов, которые нанесли непоправимый ущерб командованию армии, а, главное, неправильный организационный и оперативный подход к введению в действие бронетанковых сил, которые были как бы приданы пехоте, а не направлены на самостоятельные действия с большой концентрацией танков – все это привело к поражениям на первых этапах войны.

Мы этого ничего не знали, слушая речь Молотова 22 июня. Мы видели мощь Красной армии, огромное число танков и артиллерии, и верили в эту колоссальную мощь. В средствах массовой информации, в школе, в фильмах без конца восхваляли Красную армию, ее мужество в годы Гражданской войны 1918–1920 годов, в боях против японцев на границе с Манчжурией, в войне с финнами зимой 1939–1940. Советский народ уверяли, что Красная

армия нанесет поражение любому будущему агрессору. Мы были уверены в ее победе, и даже не могли представить, что нам грозит опасность, тем более, что наш городок отдален от фронта на 250 километров.

В те часы всё в действительности выглядело совсем по-иному. Германские танки вторглись на глубину десятков километров и быстро продвигались в сторону Литвы и Белоруссии, почти без всякого сопротивления. Войска Красной армии были абсолютно ошеломлены внезапным нападением, отступали и разбегались. Самолеты, которые мы видели и слышали утром, были германскими. И до полудня они уничтожили 1200 советских самолетов, главным образом, на земле.

После полудня и вечером мы не отрывались от радиоприемников. Мы слушали Москву в надежде услышать новости о том, что творится на фронте. Только в 10 часов вечера было озвучено первое сообщение генерального штаба советских войск, в котором говорилось: "22 июня германские войска вели бои с частями советских пограничных войск и добились местного успеха. Когда к фронту подтянулись полевые части Красной армии во второй половине дня, атаки немцев были отбиты в большинстве пограничных районов с нанесением неприятелю большого урона в живой силе и технике". В этом кратком сообщении не были названы места боев, но мы радовались тому, что атаки немцев отбиты, и чувство уверенности к нам вернулось.

Назавтра, во второй день войны, в часы после полудня, уверенность наша сильно колебалась. Вместо движения войск в сторону фронта, чего мы ожидали, началось движение в обратную сторону пехотных частей и машин. Вначале части шли упорядоченным строем, но через день проходили разрозненные группы солдат, часто без командиров и без оружия. Грузовики семьями офицеров и советских чиновников время от времени проносились через городок. Шоферы останавливались и спрашивали дорогу на Полоцк, город в 120 километрах, в глубине восточной Белоруссии. Среди убегающих на восток были и евреи. От них мы услышали впервые, что значительная территория Литвы, в том числе город Ковно (Каунас), оккупированы немцами, Красная армия в Литве разгромлена. Литовская армия, которая после провозглашения Литовской советской республики, превратилась в корпус Красной армии, совершила предательство, и повернула оружие против Красной армии. И еще нам рассказали евреи, что литовские солдаты и граждане организуют засады на дорогах, и многие советские солдаты и евреи ими убиты.

По радио Ковно было передано сообщение о создании литовского антикоммунистического правительства, и призыв к литовскому народу восстать, бороться за создание независимой Литвы и помогать победоносной германской армии освободительнице.

Мы все еще надеялись, что вскоре придут резервы Красной армии, и положение изменится решительным образом. Но на третий день войны, когда распространились слухи, что город Вильно оккупирован немцами, и в час ночи из городка сбежали все советские чиновники с семьями, и мы остались без власти, рухнули все и всяческие надежды. Среди беглецов были и коммунистические активисты-евреи, милиционеры и служащие НКВД. Страх охватил местных евреев. Никто не знал, что делать. Сбежавшие правительственные чиновники не оставили никаких указаний населению, остаться ли на месте или пытаться сбежать от германской оккупации. Никакой транспорт не был представлен тем, кто хотел эвакуироваться, кроме телег и велосипедов, которые были у некоторых жителей. Большинство должно было двигаться пешком. По городку поползли слухи, что на дорогах, ведущих на север и восток, — направлениях бегства — литовцы поставили засады, и часть беглецов ими застрелена.

Я стоял на главной улице, по которой двигался поток беженцев из Вильно, смотрел на грузовики, набитые солдатами, частью ранеными, проносящиеся по шоссе, на группы солдат и гражданских лиц, идущих пешком, усталых, с трудом волокущих ноги. На телегах с тюками сидели беженцы-евреи, целые семьи, пытающиеся спастись от немцев. Воз-

ника группа велосипедистов, и среди них я узнал Лейбку, старшего брата моего доброго друга Сендера Коварского. Он остановился на минуту около меня и рассказал, что покинул Вильно вчера после полудня. После бомбежек и панического бегства всех работников правительственных учреждений, в городе воцарился полнейший хаос. Он расстался с Сендером на железнодорожной станции, когда тот сумел вскочить в поезд, набитый беженцами, идущий в направлении столицы Белоруссии – Минска. Он надеется, что и все члены его семьи уйдут вместе с ним из городка. Мы расстались, и он продолжил свой путь. Группы поляков и литовцев стояли на тротуарах, вдоль шоссе, недалеко от меня, громко выражая радость и проклиная беглецов. Их восторги разгневали меня, и я ушел оттуда.

На углу "Синагогального двора" я встретил товарищей – Моше Шотана, Давида Йохая, Гершку Бака, и моего двоюродного брата Иоську Рудницкого. Всем нам было по 16–17 лет. Ишика Гертман был старше нас на два года. Мы обсуждали ситуацию: следует ли присоединиться к потоку беженцев. Йоська предложил уходить со всеми. Ишика слышал по радиостанции из Ковно, что германская армия приближается к Минску, продвинувшись далеко на восток. По его мнению, нет никакого шанса бежать пешком. Я был единственным из группы, который вкусил прелесть нацистской оккупации, и потому был за немедленный уход. Мы разошлись, так и ничего не решив. На следующий, четвертый день войны, рано утром я расстался с Рахилью и всеми родственниками, и вместе с Иоськой Рудницким и Гришкой Баком направился в Ходоцишки. Мой дядя Элияу, у которого я жил, пытался в последний момент меня отговорить. Он считал, что у нас нет никакого шанса сбежать, что литовцы нас подстрелят по дороге, потому лучше остаться на месте. По его мнению, под германской властью нам грозило гетто, каторжный труд, страдания и унижения, все то, что переносят мои родители вот уже два года. Но все это предпочтительней гибели на дороге. И все же мы решили идти. За городком мы встретили группу из двадцати, примерно, советских солдат, и последовали за ними. Прошли около восьми километров, и вдруг по нам открыли огонь с околицы следующего города. Несколько солдат, идущих впереди, было ранено, вся группа рассеялась, и мы втроем пересекли поле в сторону параллельной дороги. И тут мы слышали стрельбу из винтовок и автоматов. Следовало полагать, что это засады литовцев. Повернули проселочной дорогой на север, дошли до перекрестка около села. Нашли нагие тела пяти убитых парней из нашей округи, которых, очевидно, совсем недавно расстреляли жители села или литовские партизаны. Вид этих тел сильно подействовал на нас. Мы решили вернуться в наш городок. Попытка сбежать от немцев провалилась. Многие сотни жителей городка пытались уйти, как мы, но сумело это сделать менее ста. Они покинули городок на второй и третий день войны, и успели вскочить в проходящий поезд. Остальные вернулись в городок или остались в населенных пунктах по дороге. Германская армия прошла мимо них, а некоторые погибли в пути.

Свинция не стоял на пути главного продвижения германских бронетанковых колонн, армия их продвинулась к Минску и Полоцку, около ста километров на север и восток, а в городке не было никакой власти. Все эти дни через городок шли советские солдаты, группами и в одиночку. Лишь 28 июня, к вечеру, спустя четыре дня после того, как представители советской власти сбежали, впервые вошли в город германские патрульные подразделения. В этот момент мы стали свидетелями события, приковавшего наше внимание. Уже три дня, в нескольких километрах западнее городка, стояла большая колонна советских армейских грузовиков, которых шоферы покинули из-за отсутствия бензина. Когда въехали в городок несколько мотоциклов и бронемашин патрульной службы германской армии, прибывших из Вильно, внезапно пролетели на бреющем полете советские транспортные самолеты и сбросили бочки с горючим для оставленной колонны грузовиков. Советское командование, очевидно, считало, что колонна еще находится в руках бойцов Красной армии, и не знало, где находятся немцы, которые быстро рассредоточились по полю и открыли автоматный огонь

по самолетам. Зрелище было невероятным. Гигантская колонна машин-привидений, растянутая по шоссе и его обочинам, транспортные самолеты в воздухе, бочки с горючим, частью висящие на парашютах, частью разбросанные по зеленому полю, и из десятка германских машин ведут огонь по самолетам, и все это на глазах сотен жителей городка, наблюдающих со стороны разворачивающийся перед ними фильм. В течение считанных минут самолеты исчезли за горизонтом. Это было расставание с Красной армией на длительный период.

Германская армия вошла в городок на следующий день. Она двигалась из Вильно на Полоцк. Я вышел поглядеть, что творится в городе, издалека видел танки и машины, катящие по главной улице Вильно. На обочинах стояли группы литовцев и поляков и восторженно приветствовали германские войска. В разных местах виднелись вооруженные литовцы в военной форме, с белыми повязками на рукавах. Большинство евреев закрылось в домах, меньшинство глядело на происходящее издалека, в щели жалюзи и ставен. Я остановился в ста метрах от главной улицы, прижался к деревянному забору и следил за происходящим. И тут я оказался свидетелем жестокой картины. По дороге в городок со стороны Ново-Свинцяна появился мотоцикл с коляской, на котором было три человека. Мотоцикл с большой скоростью неся прямо на главную улицу. С мотоцикла нельзя было видеть, что творится на главной улице из-за изгиба шоссе. Мотоцикл приблизился ко мне, и я видел лица сидящих на нем. За рулем сидел немец, и два остальных пассажира были советскими офицерами. Я кричал в их сторону и махал руками, пытаюсь их предупредить, но они, вероятно, меня не поняли или просто не сумели остановить мотоцикл. Они промчались мимо меня и вдруг увидели немецких солдат. Один из советских офицеров выхватил пистолет и выстрелил в немца, который вел мотоцикл. Немцы на главной улице увидели происходящее и начали бежать к мотоциклу. Советские офицеры вскочили, и дали несколько автоматных очередей в сторону бегущих к ним немцев и сами начали убегать. Немцы погнались за ними. Убитый немец и мотоцикл остались посреди улицы. Из центра набежали немцы и начали искать и начали искать сбежавших русских по близлежащим домам. Из боковой улицы неожиданно вышло пять советских солдат и, увидев немцев, подняли руки. Они были без оружия. В гневе за убитого их товарища, немцы поставили пятерых солдат к стенке. Я находился в 50 метрах от них, во дворе, за забором. Я видел советского солдата лет восемнадцати с детским выражением лица. Он плакал и просил не убивать его, он кричал, что запрещено убивать пленных. Немцы не дали ему договорить. Офицер скомандовал, солдаты открыли огонь, и все пятеро упали на землю.

Застыв, я долго глядел в щель забора на тела убитых, которые минуту назад были живы. Я просто не чувствовал, что слезы текут у меня из глаз. Я видел много убитых во время осады Варшавы, но впервые в жизни увидел, как расстреливают людей. Их тела два дня валялись на улице, пока немецкие солдаты не приказали евреям похоронить убитых в поле, рядом с домами. Позднее нам стало известно, что случилось с двумя советскими офицерами. В шести километрах от городка они взяли в плен немецкого мотоциклиста. Сами они водить мотоцикл не умели, и приказали немцу управлять им. Они решили проехать через городок, ибо это был самый короткий путь на восток, но не знали, что в городке уже находятся немцы, которые удовлетворились расстрелом пяти пленных, а два офицера сумели скрыться.

С приходом немцев литовцы взяли власть в городке в свои руки. Они создали городской совет по ведению дел, и местную полицию. Воинское подразделение литовского корпуса Красной армии вошло в городок, являясь частью самостоятельной литовской армии. Городок был украшен знаменами Литвы и Германии. Поляков литовцы не включили ни во властные структуры, ни в полицию, ни в армию. Германская армия назначила военного коменданта округа, и так же по всей Литве. В Ковно было создано временное литовское правительство, которое надеялось на то, что будет признано немцами. Литовцы полагали, что немцы им вернут независимость в знак признательности за их восстание против Красной армии

и готовности присоединиться в качестве союзников Германии в войне. Надежды литовцев не оправдались. Литовское правительство немцами признано не было, и спустя месяц были распущены все государственные учреждения, которые были созданы литовцами, включая и правительство Литвы. Литовцы остались на своих должностях только на муниципальном уровне. Литовская армия также была распущена, и некоторые ее подразделения перешли под командование германской "полиции безопасности", главным образом, для акций против евреев. Политика расширения жизненного пространства Германии видела в странах Прибалтики территории для германского заселения, и в таком плане не было места литовской независимости. И, несмотря на это, литовцы хранили верность германскому режиму до конца.

Ненависть литовцев к евреям вырвалась наружу в полной силе. Евреев избивали на улицах, грабили их дома, вынося оттуда все, что попадалось под руку, евреев хватали и везли на каторжные работы, и там издевались над ними и избивали. В дни начала июля большая группа вооруженных литовцев пришла в район проживания евреев, и начала хватать их. В наш дом вошли литовцы и погнали меня на улицу, где согнано было около 40 евреев, также выгнанных, как я, из своих домов. Всех нас повели в полицейский участок. Спустя полчаса появился литовский офицер, и попросил у полицейских двух человек для работ. Выбрали меня, как самого молодого, и самого старого еврея в группе. Литовский офицер привел нас к своему дому и приказал убрать двор. Мы поработали несколько часов, после чего он "угостил" нас тумаками и велел идти домой. Люди, которых захватили с нами, домой не вернулись. На следующий день нам стало известно, что людей этих увезли из городка в неизвестном направлении. По городку пронесся слух, что их повезли работать на аэродром около Полоцка. Время от времени появлялись крестьяне и рассказывали, что видели этих людей, работающих в германском воинском подразделении в Белоруссии, и те просили послать им разные вещи через этих крестьян. Только спустя несколько месяцев стало известно, что людей этих сразу же увезли недалеко от города, к селу Церклишки, и там всех расстреляли. Случай спас меня.

Германские власти в городке опубликовали декреты, касающиеся евреев. Они, все, как один, обязаны были зарегистрироваться, носить белую повязку на рукаве. Им запрещалось менять место жительства. Им строго вменялось передать властям свои радиоприемники. Все евреи от 16 до 50 лет должны были, по решению местной власти, тяжело работать. За неподчинение последует самое тяжкое наказание, по сути, смертный приговор. Был введен комендантский час в течение ночи, распространявшийся на все население. Жизнь евреев со дня на день становилась невыносимей. Каторжный труд, избиения, обвинения в любой мелочи, и, главным образом, в этом отличались соседи-христиане и крестьяне округи. Также и подростки христиане, с которыми мы сидели на одной школьной скамье, издевались над нами. Особенно приносили боль действия наших соседей, с которыми столько лет мы жили бок о бок, и помогали друг другу.

Я работал с еще десятью евреями по починке шоссе на Ново-Свинцян. В середине июля, в то время, когда мы шли на работу, нас остановили литовские полицаи, но отпустили после того, как мы показали им удостоверения о том, что мы работаем на починке шоссе. Нам стало известно, что утром увели из домов и схватили на улицах работоспособных евреев. Позднее мимо нас проехали по шоссе на Ново-Свинцян грузовики, полные мужчин из нашего городка, арестованных утром. Сильная охрана из немцев и литовцев сопровождала их. Вернувшись с работы, мы узнали, что было взято сто евреев, и среди них были два моих родственника. Угнанные люди составляли большую часть молодых мужчин городка. Литовцы сказали, что везут их на работу, и они вернуться через месяц, когда их сменят другие. Но все они были расстреляны в тот же день недалеко от Ново-Свинцяна. Немцы, которые проводили эту "акцию", были солдатами "эйнзацгрупп" (групп действия).

Сообщения с фронта были угнетающими. Оккупирована была Латвия, большая часть Эстонии, вся Белоруссия, и в середине июля немцы стояли на подступах к Смоленску – по пути к Москве. Так же и на Украине они вторглись на сотни километров. Взяли в плен сотни тысяч советских солдат и большое число техники, целые советские армии были разгромлены, продвижение немцев продолжалось. Единственным нашим источником новостей были немецкие и литовские газеты, которые нам удавалось иногда добыть.

В один из вечеров, перед наступлением комендантского часа, пришел ко мне Моше Шотан, мой сосед, и шепотом сообщил мне тайну: он вместе с Ишикой Гертманом спрятали приемник на чердаке дома, в котором они живут, и слушают новости из Москвы. По его словам, несмотря на продвижение немцев, о котором сообщает московское радио, Красная армия мужественно сражается, немцы остановлены под Смоленском, советский народ мобилизует все свои силы для продолжительной войны.

Вечером, после наступления комендантского часа, я выскользнул из дома и пересек улицу Ново-Свинцян, по ту сторону которой был дом Моше, взобрался по лестнице на чердак, где меня ждали Моше и Ишика. Приемник был спрятан среди старых вещей. Я стоял сбоку в полной темноте, пока Моше и Ишика укутали себя и приемник в три одеяла, и стали слушать новости из Москвы. Я стоял в метре от них и с трудом различал шорохи, идущие из-под одеял. Я ждал с нетерпением, когда смогу проскользнуть под одеяла и слушать. Я слегка дрожал от страха. После нескольких минут, которые показались мне вечными, Моше вылез из-под одеял и жестом показал мне забраться под одеяла и слушать. Он остался снаружи.

Новости уже закончились, передавались комментарии. Я прилип к приемнику и с напряжением слушал. Прием был не совсем четок, и я старался различать каждое слово. Диктор говорил о первом выступлении Сталина после нападения на Советский Союз. Мы, конечно же, слышали об этом выступлении в начале июля, в котором Сталин говорил о создавшемся положении, объяснял, с чем связаны успехи германской армии, совершившей внезапное нападение, изложил стратегию войны Советского Союза. Диктор время от времени цитировал отрывки из выступления Сталина. Он говорил о политике "выжженной земли", целью которой было – ничего не оставлять врагу – продукты, скот, сырье. Все, что невозможно вывезти, следует уничтожить. Но больше всего меня взволновали слова Сталина, приведенные диктором. И главное в них я запомнил на все годы: "Следует создать на оккупированных территориях партизанские отряды для борьбы с врагом. Следует взрывать и разрушать шоссе, мосты, телефонные линии, телеграф, поджигать вражеские склады, создать на оккупированных территориях невыносимые условия для врага и для тех, кто с ними сотрудничает, уничтожать все, что в их руках". В темноте, под одеялом, я не видел Ишику, но чувствовал дрожь его тела, как и собственную дрожь. Эта передача родила в нас много мыслей и зажгла наше воображение. Впервые, с начала войны, я услышал понятие – "партизанская война", – как призыв к немедленному действию.

Передача закончилась, но мы еще долго сидели в молчании на чердаке, и каждый был погружен в свои мысли. Тишина стала над городом. Один за другим мы спустились с крыши, товарищи мои пошли по своим домам. Я прислушался, нет ли голосов полицейского патруля, время от времени проходящего по улице. Все было тихо, я быстро перебежал улицу и через минуту был дома. Не ответил на вопрос сестры, где я был. Моше рассказал мне, что в один из вечеров они сумели поймать "Голос Иерусалима", и даже привели Юдку Шапиро, который владел ивритом и слушал передачу. Они надеялись услышать слова, обращенные к евреям под нацистской оккупацией, слова поддержки, надежды, но передача на иврите была похожа на передачи из Лондона. В эти трудные дни слушание радиопередач из Москвы, Лондона и Иерусалима было лучом света в кромешной тьме, окружающей нас.

5. Массовые уничтожения и мой побег в Белоруссию

В начале августа германская гражданская администрация взяла власть из рук военного режима. Литва превратилась в "генералбецирк" с германским наместником во главе и центром его администрации в городе Ковно. Свинцян был включен в "гебитскомиссариат Вильнеланд" (областной комиссариат земли Вильно) во главе с гебитскомиссаром Г.Вольфом, центром администрации которого стал город Вильно. При гражданском режиме было создано подразделение полиции "безопасности" и СД (зихерхайт диенст), главным предназначением которого было уничтожение евреев. В Свинцяне была образована группа, подчиняющаяся этому подразделению и СД в составе десяти человек. С введением режима гражданской администрации началось систематическое уничтожение евреев Литвы. Летучие отряды полиции безопасности и СД передвигались с места на место, и, с помощью местной литовской полиции, убивали евреев. На месте цветущих еврейских общин эти отряды убийц оставили массовые кладбища, покрывшие земли Литвы.

19 сентября 1941 гебитскомиссар Вольф издал приказ местным литовским властям и литовской полиции согнать всех евреев в гетто и конфисковать все их имущество. Приказано было стрелять в евреев, которые попытаются сбежать. Этот приказ был первым шагом к их уничтожению.

В конце сентября, в канун еврейского Нового года – Рош-Ашана, распространился слух среди евреев Свинцяна, что все евреи округа будут переведены в лагерь Полигон, в 12 километрах, около городка Ново-Свинцян, и там будут поселены в заброшенном военном лагере на песках. Никто из них не знал, что с ними будет после их перевода на Полигон, и на какие средства они будут существовать.

В пятницу, 26 сентября, городок окружили литовские полицейские и эсэсовцы. Евреям было сообщено, что завтра они будут депортированы в лагерь Полигон. Им разрешено брать с собой все, что они смогут нести, стариков и больных повезут на телегах. Паника охватила евреев городка, и многие говорили, что следует бежать в соседнюю Белоруссию, что проживающим там евреям было намного лучше, чем евреям Литвы, несмотря на то, что и там тоже власть немцев. Моя сестра Рахиль, которая работала в германском учреждении, вернулась домой и предложила всем бежать, ибо немцы сказали ей, что на Полигоне евреям будет "невероятно тяжело". Мы еще не уловили смысла этих слов – "невероятно тяжело", и никто даже представить не мог, что речь идет об уничтожении.

К вечеру стало известно, что немцы оставляют в городке несколько десятков евреев, мастеров по разным ремеслам, которые работали на новую власть, вместе с их семьями. Каждый хотел выставить себя тем или иным мастером, люди начали подкупать, кто немца, стоящего во главе "эйнзацгруппы" и СД, кто начальника литовской полиции. Немцы составили список из нескольких десятков человек с их семьями. Число в списке дошло до 300 душ, ибо в течение ночи семья каждого из остающихся в городке увеличилась вдвое или втрое.

Сотни бежали в эту ночь в Белоруссию, и я тоже решил бежать туда. Мы собрались, 12 парней, среди которых мой двоюродный брат Моше-Юдка, мой друг из подполья Юдка Шапиро и другие. Расставание с членами семьи было тяжелым. Мы не знали, увидимся ли вновь. Выбраться из городка тоже было нелегко. В соседние села было передано, что каждый, кто поймает убегающего еврея и приведет его в полицию, получит премию. К нашему счастью ночь была пронизывающе холодной, временами шел дождь. Полицейские искали укрытие, и мы сумели выбраться из городка незаметно. Через поля мы добрались до шоссе,

ведущего в городок Линтоп, в 12 километрах юго-восточнее нашего городка, на территории Белоруссии. Городок Линтоп мы решили обогнуть, чтобы не быть схваченными и возвращенными литовской полиции в наш городок. Так мы дошли до города Константинов, в котором было несколько еврейских семей. Мы решили не продолжать движение по главному шоссе, и старались не проходить через села, а огибать их. Иногда мы встречали крестьянина в поле, он мельком оглядывал нас и продолжал свою работу. Каждый из нас был погружен в свои мысли. Мы вышли в путь без цели, по трерриториям, над которыми властвовали немцы. Фронт был далеко, немцы приблизились к Москве, и добраться до фронта не было возможности. Мы были полны тревоги за наши семьи: переведут ли их в Полигон, и какой будет их судьба на новом месте? Природа вокруг нас была прекрасной, зеленые поля с одной стороны, и огромный лес, простирающийся с другой стороны километр за километром. Среди полей текла река, на берегу которой росли деревья. Мир виделся нам в эти минуты таким чудесным и необъятным. И только нам, кучке беглецов, не было в нем места. К вечеру мы добрались до Константинова и вошли в дома евреев. Они гостеприимно встретили нас. Они уже слышали о том, что всех евреев области переведут в Полигон, а в нашем городке оставят несколько десятков семей мастеров-ремесленников. И еще они рассказали, что тотчас, как там евреев изгнали из их домов, наехали крестьяне из окрестных сел, ворвались в дома евреев и унесли все, что там осталось.

Увозили на телегах мебель. Германские и литовские полицаи разрешили крестьянам брать все, что им заблагорассудится. После того, как те забрали все, что было в домах, начали выкорчевывать окна и двери.

Мы советовались с местными евреями, как нам быть. Они сказали, что у них мы остаться не можем, ибо их слишком мало в городе, белорусская полиция сразу выйдет на нас. Они посоветовали нам двигаться в сторону местечка Глубокое, в котором живут несколько тысяч евреев, и там полиция нас не заметит. Находился он на расстоянии 80 километров восточнее Константинова.

Решили выйти ночью. Попрощались с местными евреями, и вышли в путь. Расставание было сердечным. Они снабдили нас едой в дорогу, объяснили, по каким местам идти, чтобы не наткнуться на полицию. Мы начали двигаться не все вместе, а четырьмя группами по три. Каждая группа будет идти другим путем, и все мы встретимся в Глубоком. Решение это было принято, ибо путь был очень опасен. Предстояло пройти несколько городов и селений. И группе в 12 человек трудно пройти, чтобы ее не заметили. И еще. Нам надлежало заходить в крестьянские дома, чтобы добыть съестные припасы, и легче это делать трем, чем двенадцати.

Мы молча расстались. Дошли до перекрестка дорог. Я остался с Рувином Л. И Эфраимом М. Решили идти по боковому шоссе. После полудня увидели одинокий дом в поле, вошли попросить немного еды. В доме были только малые дети, и они очень испугались. Один из них побежал звать отца, который работал на сеновале. Пришел хозяин, типичный белорусский крестьянин, поздоровался с нами и спросил, чего мы хотим. Сказали, что мы поляки из окрестности местечка Глубокого, год назад русские мобилизовали нас на строительство укреплений на германской границе. В первый день войны немцы нас взяли в плен, и неделю назад освободили. Теперь мы возвращаемся домой, в наше село, идти нам туда несколько дней. Мы голодны и просим нас накормить. Крестьянин выслушал нас с большим терпением, но не очень нам веря. Вероятно, подозревал, что мы евреи. Несмотря на это подал нам крынку молока и большую буханку хлеба. Я спросил его, сможем ли мы заночевать у него. Он ответил, что полиция запретила давать ночлег незнакомым людям, но он готов рискнуть. Он даст нам ночлег с условием, что на рассвете мы уйдем, и никто не увидит нас выходящими из его дома, ибо могут донести на него в полицию, и добавил, что мы должны остерегаться его соседа, который является полицейским осведомителем.

Сначала мы думали заночевать на сеновале, но потом решили остаться в доме, и видеть, что делает хозяин и его дети, ибо, несмотря на его доброе к нам отношение, мы не совсем доверяли ему. Крестьянин принес в дом несколько снопов соломы, и мы легли спать. Я проснулся первым и разбудил товарищей. Крестьянин, вставший еще раньше, вошел в дом, и я спросил его о пути к разным населенным пунктам, включая местечко Глубокое, и необходимое нам направление, чтобы не раскрыть истинную цель нашего движения, а именно, Глубокое. Он объяснил нам, как миновать полицейские участки, и я все записал в своем блокноте. Карты у нас не было, а пройти 80 километров без знания дороги – дело не простое. После легкого завтрака мы вышли в путь. Шли по тропам, полям, лесам, и до полудня не встретили ни одного села и ни одной живой души. Обогнули городок Кобыльник, севернее озера Нарочь. Хотели до вечера добраться до городка Данилович, в котором проживала, примерно, тысяча евреев. Слышали, что в городке много германской полиции, но у нас не было выхода, ибо для того, чтобы дойти до Глубокого, нам надо было перейти реку, мост через которую был только в городке Данилович. К вечеру добрались до городка и вошли в первый дом, который оказался нееврейским.

Евреи нас встретили с большим страхом и рассказали, что утром арестовали трех еврейских парней, и им грозит серьезная опасность. Мы предположили, что это одна из наших групп. Полиция предупредила всех евреев, что укрыватели евреев из других мест будут расстреляны. Нас попросили немедленно покинуть дом, чтобы не накликал на них беду. Они указали, как добраться до моста, чтобы не наткнуться на полицию, но предупредили, что на мосту постоянно дежурит полицейский. Расстались с евреями, охваченными страхом, и пошли дальше. Решили, что мост мы перейдем по одному. Я пошел первым. Приблизился к мосту и продолжал уверенно идти. Я знал, что если полицейский заметит у меня признаки страха, он тут же меня арестует. Я прошел мимо него, насвистывая польский мотив, и через минуту был на другой стороне моста. За мной прошли и два моих товарища. Мы быстро покинули местечко Данилович, оставшийся за нашими спинами. Я чувствовал вкус победы: миновали самое опасное место на нашем пути! До наступления темноты мы добрались до леса, решили в нем заночевать, несмотря на холод. Ничего съестного у нас не было. Рано утром двинулись дальше, полагая пройти 40 километров до местечка Глубокого. И когда стемнеет, войти в город и найти еврейский дом. Спустя несколько часов наткнулись на большую группу крестьян, работавших в поле. Они начали кричать: "Жид! Жид!" и кинулись за нами. Мы побежали в лес – в полкилометра от нас. Крестьянин бежал впереди ватаги и кричал: "Поймать жидов и сдать их полиции!"

Мы добежали до леса и скрылись между деревьями. Слышали их удаляющиеся голоса, и через некоторое время они смолкли. Сели отдохнуть. С темнотой мы добрались до нашей цели – Глубокого. Обогнули центральную улицу, шли через парки, пока не дошли до боковой улицы. По домам определили, где живут евреи. Вошли в небольшой домик бедной еврейской семьи. Они встретили нас радушно и рассказали, что слышали о депортации всех евреев округа в Полигон, но есть сведения, что часть евреев Свинцяна вернули назад в городок. Есть надежда, что вскоре всех их вернут по домам. Цель была одна, как полагают, разграбить имущество евреев. Когда они будут переселены в гетто, которое будет создано в Свинцяне, питание они будут получать от немцев. Мы надеялись, что слухи эти правдивы, и если все евреи городка вернутся в Свинцяну, вернемся и мы. Спросили: приходили ли евреи, сбежавшие из наших мест. Ответили нам, что под вечер пришла группа из трех человек, и они находятся у раввина. Это была одна из наших групп, которая должна была прийти в Глубокое.

Члены семьи рассказывали, что положение евреев в Белоруссии ухудшается со дня на день. Поговаривают о создании гетто, в которое будут переселены евреи округа, и кто знает, каков будет конец гетто? По городку гуляют слухи, что в восточной Белоруссии уже не осталось ни одного еврея, что в таких городах, как Полоцк, Витебск, Минск, всех евреев

расстреляли в первый же день германской оккупации. Расстреливали их не только немцы, а также и белорусы. Также и здесь, в Глубоком, отношение полиции, в которой служат местные жители, белорусы и поляки, к евреям хуже, чем отношение к ним немцев. И жители только и ждут, чтобы им разрешили расправиться с евреями и наследовать их имущество. Семья, в которой мы гостили, была очень бедной, они не ужинали, так что и мы остались голодными. Хозяйка предложила нам ночевать на полу. Мы очень устали и уснули мгновенно.

Утром пошли в "юденрат". Надеялись узнать какие-либо новости из Свинцяна и попросить помощь для устройства на месте. Надо было пересечь весь городок, чтобы добраться до "юденрата". Глубокое было вдвое больше Свинцяна. В нем проживало 11 тысяч человек, из которых половина были евреи. В прошлом здесь протекала полноценная жизнь, функционировали сионистские партии, еврейские школы и культурный центр. Советская власть, а, главным образом, германская власть, все это ликвидировали. Я много слышал об этом городке, но оказался в нем впервые.

Пришли в "юденрат" и там встретили трех наших товарищей из другой группы. Они тоже добрались до города вчера. Рассказал им, что третья группа схвачена немцами в городке Данилович. Мы не знали, какова судьба четвертой группы. Попросили главу "юденрата" помочь нам временно устроиться, но он ответил, что не в силах этого сделать и мы должны полагаться лишь на самих себя. Было слишком опасно оставаться в помещении "юденрата", ибо немцы и местные полицейские появлялись здесь время от времени – брать людей на работу. Полицейские знали в лицо всех евреев городка, и могли сразу определить, что мы беженцы. Опасно было ходить по городу: у местных евреев были документы, выданные немцами, у нас же вообще никаких документов не было. Мы решили, что каждый отыщет себе укрытие в еврейской семье, а вечером встретимся в "юденрате".

Я вышел на улицу, шел медленно, не зная, куда податься. Не мог представить себе, как я войду к людям, которые меня не знают, и попрошу у них остаться, когда у евреев такое трудное положение, нет заработков, и все существует на старых запасах. Прошел мимо одного, другого, третьего дома. Внезапно увидел полицейского, идущего мне навстречу. Не было у меня времени на колебания, я стоял у одноэтажного дома. Подошел к двери, постучал, и, не ожидая ответа, вошел в кухню. У большой плиты стояла хозяйка и готовила обед. Я стоял у двери, и не мог открыть рта. Хозяйка смотрела на меня, ожидая, что я что-нибудь скажу. В конце концов, я преодолел свой стыд и выпалил на одном дыхании: "Госпожа, я беженец, бежал из Свинцяна, могу ли побыть немного у вас?" После минуты молчания она ответила: "Да, – затем добавила, – Снимите пальто и присядьте отдохнуть, через полчаса мой муж и сын придут с работы, и мы сядем обедать". Я вошел в соседнюю комнату и присел на диван. Комната была красиво и чисто убранной. Ясно было, что хозяин не беден. На стене висел большой портрет Герцля, а на маленьком столике в углу лежали книги на иврите. Я взял в руки одну из книг – "Иудейские войны против римлян" Иосифа Флавия. Погрузился в чтение, тут же забыл об окружающей реальности и не заметил, как дверь открылась, и кто-то вошел. Только услышав приветствие "Гутен морген" (Доброе утро), поднял голову и увидел мужчину лет сорока. Он спросил меня на беглом иврите: "Что, вы знаете иврит?" Я ответил, что учился в ивритской школе и был членом сионистского молодежного движения. Тут вошли в комнату два парня, один моего возраста, другой постарше, сыновья хозяев дома. Мать им уже рассказала обо мне, и они попросили рассказать, как мне удалось покинуть мой город, и что было в пути. Я начал рассказывать, но хозяйка вошла и пригласила всех на обед. Атмосфера за столом была дружественной, и хозяева старались создать вокруг меня ощущение, что я за этим столом не чужой. Я старался деликатно есть, чтобы они не почувствовали, что почти тридцать часов не было у меня ни крошки во рту. Во время обеда много не говорили. После обеда я закончил историю всего, что случилось со мной по дороге в Глу-

бок. Хозяин и его сыновья работали на германском складе, и иногда им удавалось приносить оттуда продукты.

Хозяйка спросила меня о семье. Рассказал, что мои родители остались в Варшаве, сестра в Свинцяне, добавив несколько слов и о других родственниках. Я видел слезы, блеск в ее глазах. К вечеру я пошел в "юденрат", встретился там с моими товарищами. Они тоже нашли укрытие и рассказали о добром к ним отношении местных евреев. Нам также стало известно, что и третья группа добралась до города, и они находятся в еврейском доме, в конце города. Только трое, арестованных в Даниловиче, не пришли. Я вернулся с Йерахмиэлем Ш., который с нами вышел из Свинцяна, и нашел укрытие в еврейском доме, недалеко от меня. Йерахмиэль был высоким, красивым и очень сильным парнем. В драках между евреями и местными молодыми антисемитами, при его виде вся эта братия разбегалась. У порога дома, где я был принят, мы расстались, договорившись завтра встретиться в "юденрате". Может, будут новости о нашем городке и арестованных в Даниловиче наших товарищах. Войдя в дом, я увидел хозяйку, выглядывающую в окно и попросившую меня тоже выглянуть. Я увидел двух полицейских, ведущих Йерахмиэля. Не прошел он и пятидесяти шагов, как эти полицейские возникли перед ним и потребовали документы. Документов у него не было, и они его арестовали. Ночью его перевезли в Барзовицу, в трех километрах от города, в лагерь русских военнопленных, и там расстреляли. Йерахмиэль не был мне братом и другом. Долго я не находил себе места: перед глазами стоял Йерахмиэль, уводимый полицейскими.

В один из дней нам сообщили в "юденрате", что наши товарищи, арестованные в Даниловиче, расстреляны полицейскими, несмотря на все усилия местных евреев выволочь их, дав за них взятку. Среди расстрелянных был и Юдка Шапиро, один из руководителей сионистского подполья в советский период. В частых наших беседах он выражал уверенность, что мы еще доберемся до страны Израиля. Он мечтал жить в киббце.

Спустя несколько дней из нашего городка пришла страшная весть: все евреи, находившиеся в Полигоне, числом в семь тысяч душ, были расстреляны. Вначале мы отказывались верить, считая, что крестьянин, принесший эту весть, хотел напугать евреев. Может ли быть такое, что всех убили? Но на следующий день появилась из нашего городка девушка, которая пряталась у поляка, и подтвердила эту ужасную весть. Потрясенными сидели мы и слушали этот невыносимый рассказ о происшедшем на Полигоне, рассказ о последних днях еврейской общины Свинцяна.

Депортация началась 27 сентября 1941. Утром привезены были все литовские полицаи округа и мобилизована литовская молодежь, которой выдали оружие. Они выгнали всех евреев из домов и собрали их в поле, рядом с городом, на улице Ново-Свинцяна. Им разрешили взять с собой только немного вещей. Для стариков и больных прикатали телеги. Во время сбора литовцы били прикладами тех, кто медленно двигался. В течение пяти часов было собрано три тысячи евреев на большом поле. Их окружили стражники, вооруженные автоматами, чтобы воспрепятствовать любому сопротивлению или побегу. Из сел прикатали массы крестьян с женами и малыми детьми, чтобы следить за представлением. Они радостно кричали: "Ой, вам было хорошо под большевиками, теперь вам будет еще лучше". Евреи вглядывались в рожи этих людей, пьяные от радости, что совсем недавно приходили просить помощи — денежной, врачебной больным детям. Тут они все это забыли и только ждали минуты, когда им разрешат ворваться в еврейские дома и грабить все, что там есть. В момент, когда последний еврей был доставлен сюда, полицаи оставили улицы, толпа ворвалась в еврейские дома, и начался грабеж. Крестьяне прибыли с телегами, загружая их всем, что попадалось под руки, уезжали домой и возвращались в городок. К вечеру еврейские дома опустели. Крестьяне выломали окна, двери, и даже тротуары.

После полудня прибыл командующий окружной "полиции безопасности" делать смотр евреям. Все евреи были на площади. Только один еврей пятидесяти лет сказал: "В этом доме я родился, в этом доме я умру". И повесился.

Командующий окружной "полиции безопасности" прочитал список мастеров по разным ремёслам и приказал им выйти из строя со своими семьями. Вышло несколько сотен человек. Семья каждого мастера увеличилась за счет присоединения к ней детей родственников и знакомых. Те, кто не имел родителей, выбрали пару стариков, холостые выбрали женщин с детьми, как свои семьи. Так число остающихся в городе достигло трехсот душ. Они были расселены в домах около синагоги. Этот район превратился в малое гетто, которое окружили забором из колючей проволоки, и литовские полицаи сменялись на охране единственного входа и выхода. Евреи, оставшиеся на площади, были выстроены в шеренги, и им было приказано идти под сильным конвоем литовских полицаев и добровольцев. Предупредили: за шаг в сторону из строя – расстрел. Первый километр все шли, более или менее, строем, на втором же километре женщины и дети стали отставать. Некоторые вышли из рядов, некоторые потеряли сознание. Полицаи и литовские добровольцы избивали их прикладами. Многие из людей вышвырнули вещи, чтобы облегчить ходьбу. Через несколько километров не было сил идти дальше. Удары прикладами не помогали, и полицаи объявили, что будут отстреливать тех, кто отстает. Угроза подействовала, восстановили строй и шли еще несколько километров. Помогали друг другу. Надо было раненых от ударов тащить, в противном случае их расстреляют. В конце концов, силы иссякли. Люди сидели на шоссе и говорили, что дальше не могут идти. Когда полицаи увидели, что избиение не помогает, подняли трех человек, первыми севших на шоссе, и расстреляли на глазах у всех. Тела их остались лежать на дороге, остальные пошли дальше. Так эта колонна прошла до Ново-Свинцяна, в двух километрах от Полигона.

Городок Ново-Свинцяна уже был очищен от евреев. Тысяча евреев этого городка была еще утром переведена в Полигон. Колонна пересекла железнодорожную линию и вышла в пески. Лагерь был уже виден издалека. На месте пылало много костров, зажженных полицаями, чтобы осветить местность и не дать возможности евреям сбежать. Издалека лагерь выглядел, как один огромный пылающий костер, и людям казалось, что их заводят в огонь. Вход в лагерь был очень узок: только два человека одновременно могли пройти. Перед входом двумя рядами стоял литовские полицаи и эсэсовцы, осыпая евреев градом ударов палок и прикладов. Евреи из нашего городка пришли последними. Евреи из всей округи уже были там: из городков и сел Ходуцишки, Ставицишки, Ингалина, Доглишки, Подбродзия, Милиганы, Шверцы, Ново-Свинцяна. Вместе с евреями Свинцяна число евреев в лагере достигло семи тысяч. В окружающих городках не осталось ни одного еврея, за исключением мастеров-ремесленников нашего городка, который был областным центром.

Евреев загнали в огромные бараки и заперли их там. До утра не разрешали выйти. Теснота была такой, что не было возможности сидеть, даже для стояния не хватало места. Люди стояли буквально один на ногах другого, и всю ночь слышались крики "Сойди с моих ног!" или "Не лежи на мне!" Вонь в бараках была невыносима, так как не было ни окон, ни щели для проветривания. Утром полицаи открыли двери и разрешили выйти. Люди вышли, увидели забор из колючей проволоки, усиленную охрану вокруг и внутри лагеря, прочли объявления о том, что любой приблизившийся к забору расстреливается без предупреждения, и поняли, насколько положение их тяжело. Встретились здесь евреи со всей области, находили родных, близких, знакомых, рассказывали друг другу о самом процессе их депортации. Почти во всех местах было одно и то же: концентрация людей в одном месте, переход пешком, сопровождаемый ударами и выстрелами. Женщина семидесяти лет подошла к забору по нужде и была застрелена охранником: первая жертва в лагере Полигон.

Некоторым евреям из оставшихся в Свинцяне удалось за взятку освободить из лагеря Полигон несколько семей. Немцы объявили, что готовы освободить еще семьи за большие деньги. Так в Свинцяне вернулось более десяти семей. Также из гетто в Свинцяне были посланы телеги с продуктами для узников Полигона. 5 октября туда прибыл гебитскомиссар области Вильно в сопровождении офицеров полиции безопасности и приказал литовскому коменданту собрать всех евреев в центре лагеря. Один из немцев объявил им: "Евреи, германские власти приняли решение наложить на вас штраф в четверть миллиона рублей. Вы должны сдать все ваше золото, драгоценности и меха. В течение двух часов после сдачи всего этого ваши условия здесь улучшатся, и вы начнете работать, чтобы принести пользу германскому "рейху". Если в течение двух часов приказ не будет выполнен, вы будете строго наказаны". Немедленно был организован комитет и выбраны сборщики денег и золота. Было такое ощущение, что ради этой акции их всех и привели в Полигон, и после этого жизнь депортированных значительно улучшится, и, быть может, всех вернут в Свинцяне. Многие верили в обещания немцев. Деньги были собраны, корзины наполнились золотыми монетами, часами, драгоценностями. С большим удовлетворением немцы приняли это богатство, и сказали, что сдержат свои обещания. Они покинули лагерь, настроение евреев улучшилось.

На следующий день, 6 октября, первый день праздника Суккот (Кущей) всех евреев выстроили, в отдельности – мужчин, женщин, детей. Ночью их сосредоточили в разных бараках. Чувство тревоги охватило всех, люди не знали, что их ожидает. В 6 часов утра – время открытия бараков – они открыты не были, все понимали, что должно что-то случиться. Евреи не знали, что еще вчера полицаи привели крестьян всей округи к месту, находящемуся в 4 километрах от лагеря, и те всю ночь рыли рвы шириной в 2 метра, глубиной в 3 метра и длиной в 25 метров. К утру рвы были готовы. Прибыл грузовик, полный водки, для полицаев, и к рассвету все они были пьяны, прибыли убийцы "эйнзацкомандо 3" полиции безопасности и СД при поддержке местных литовцев. Это было летучее механизированное подразделение области Вильно, в котором – 150 литовцев и 10 немцев, – переезжающее с места на место и уничтожающее евреев с помощью местных литовцев.

В 7 утра открыли барак с мужчинами, вошел офицер полиции безопасности и заявил, что всех переводят в другое место, недалеко от Полигона. Грузовиков немного, поэтому перевозить будут группами по 50 человек. Тут же вывели первую группу и закрыли двери барака. Лагерь был полон полицаев и литовских добровольцев. Немцы были в меньшинстве. Посадили группу в два грузовика и увезли в сопровождении сильной охраны через небольшую рощу. Только по выходу из нее евреи увидели рвы и поняли, что их ожидает. Вокруг, в радиусе километров, стояли усиленные отряды охраны, не дающие возможности сбежать. Все они, без исключения, были пьяны, за исключением немецкого офицера с аппаратом для киносъемки. Евреям было приказано сойти с грузовиков, выстроиться шеренгой лицом ко рву. Они стояли, молча, никто не кричал, никто не плакал. Немецкий офицер дал знак рукой, литовцы открыли огонь из автоматов, пятьдесят евреев упали в ров убитыми и ранеными. Грузовики вернулись в лагерь, до которого выстрелы не доносились. До обеда все мужчины были расстреляны. Начали привозить женщин. Они были в отчаянии, равнодушны к тому, что с ними делают. Многие шли ко рву в потрясении, как во сне. К ним отнеслись, как к мужчинам. Самое страшное было, когда начали отбирать у женщин детей. Матери защищали их силой, и следы их ногтей остались на лицах полицаев. Детей и младенцев швыряли в рвы живыми. Когда рвы заполнились, полицаи начали туда швырять гранаты. Только часть детей погибла, остальные были ранены или не получили никакого ущерба, и все это происходило на глазах матерей, стоящих в ста метрах от рвов. Затем женщин группами подвели ко рвам, и расстреляли. Убийства в Полигоне длились до полудня 8 октября. Вечером того дня командир подразделения полиции безопасности доложил своему командиру: "Район Свин-

цяна очищен от евреев" Полицаи засыпали рвы землей, но на следующее утро появились просадки и щели в земле, полные крови. Полиция привела крестьян, которые привезли на телегах землю с других мест и засыпали новым слоем рвы. Но земля, напитанная кровью, продолжала вспухать. Неделями привозили землю и продолжали покрывать ее рвы, пока уже крови не было видно.

Когда девушка закончила рассказ, мы сидели, онемев. Я думал о моей семье, о последних мгновениях жизни близких. Я видел перед собой мою сестру, молча идущую ко рву, видел моих стариков, которые хотели жить, всю нашу многочисленную семью, десятки дядь, тетя, двоюродных братьев, товарищей, блондинку Бебу, красавицу с двумя длинными косами, которую так любил юношеской любовью, я видел их всех, идущих ко рву и падающих от вражеских пуль.

Известие о расстреле в нашем городе мгновенно достигло всех евреев городка Глубок, наполнив сердца страхом. Это было первое массовое уничтожение, ставшее известным множеству людей. До этого немцы уводили евреев в потаённые места и там расстреливали. Затем распространяли слухи, что люди живут и работают в других местах. Теперь мы знали, где те пятьдесят евреев, первыми схваченные в нашем городе, и где сто молодых людей, взятых "на месяц, после чего их вернут". Выяснилось всё, чего мы раньше не знали. Встал вопрос, – собираются ли немцы уничтожить всех евреев в любом месте их проживания, или это касается только Литвы. Были такие в еврейской среде, которые считали, что уничтожение евреев в Литве это результат антисемитизма литовцев, ненависти к советской власти и сотрудничества евреев с этой властью. По их мнению, в Белоруссии такое произойти не может. Но были такие, которые были убеждены, что вал уничтожения евреев под германской властью докатится и до всех мест, где живут евреи, что белорусы и поляки ничем не отличаются от литовцев, а нацисты похожи другу на другом в любом месте. Мы вели долгие разговоры о том, что делать, как действовать, как отреагировать, если уничтожение евреев начнется и в городке Глубок. Мы беседовали с местной еврейской молодежью. Положение было отчаянным. Оружия нет, население в своем большинстве враждебно и помощи от него ждать нельзя. Наоборот, население это сотрудничает с немцами. Германская армия стоит на подступах к Москве. Украина вся в руках немцев, они уже продвинулись на Крымский полуостров. Правительство Советского Союза оставило Москву и переехало на восток, в Куйбышев. Местная германская пресса полна восторгов по поводу побед и прогнозов, что в течение ближайших недель Советский Союз сложит оружие. Что делать? Каков выход? Может быть, вообще нет выхода?

21 октября евреям Глубокого приказано было в течение одного дня перейти в гетто. Для него выделен был один из окраинных городских районов, который и раньше был, в основном заселен евреями. Провести это переселение должен был "юденрат" и еврейская полиция. В тот же день было выселено из района, предназначенного для гетто, население других национальностей и переведено в лучшие дома, освобожденные евреями. На следующий день, рано утром, евреи начали переходить в гетто. Большинство перешло к знакомым или близким, живущим в районе гетто. Остальным еврейская полиция нашла места проживания. До вечера все евреи перешли в гетто. Им не разрешили взять с собой мебель, теснота в гетто было невероятной, в маленькой комнате проживали целые семьи. Гетто огородили забором из колючей проволоки. За порядком следила еврейская полиция. Выход из гетто был один, и его охраняли германский охранник и местные полицаи. Изнутри охрану нес еврейский полицейский. Запрещено было вносить в гетто продукты сверх нормы, установленной немцами, и многим не хватало хлеба. Полицаи проверяли евреев, входящих в гетто, не проносят ли они тайком съестное. Сначала их проверял немецкий полицейский, стоящий снаружи, у ворот, затем это перешло к полицейскому-еврею. Эти старались помочь, как могли: на глазах немцев полицейский-еврей проверял и орал на проходящего, но, видя, что тот прячет продукты,

делал вид, что ничего не нашел, и быстро отпускал человека внутрь гетто. Еврейские полиция следили за тем, чтобы все евреи выходили на работу, и каждого, кто пытался отлынивать, наказывали. Члены "юденрата" убеждали, что самоотверженный труд дает шанс остаться в живых. Немцы нуждаются в рабочих, особенно в бесплатных еврейских мастеровых, и так, быть может, мы сможем выиграть время. Тем временем закончится война, а после ее окончания, несомненно, не будет массовых расстрелов. Евреи хотели верить в эти уверения членов "юденрата", ибо не было иного выхода в этом враждебном, лишенном всяческой надежды, мире.

Меня посылали от отдела труда "юденрата" на разные работы в городе, но тут мне улыбнулась удача: я нашел постоянную работу в пекарне. Помогли мне в этом члены семьи, в которой я гостил, которые относились ко мне как к собственным сыновьям. Я выходил на работу в три часа утра, работал целый день, был сыт, и мне удавалось время от времени приносить хлеб в дом, и таким образом хоть немного отплатить им за гостеприимство и прекрасное ко мне отношение. В один из дней в гетто пришел молодой парень, земляк из Свинцяна, и от него я узнал, что моя сестра жива и находится в гетто. Благодаря ее работе в немецком учреждении ее оставили на месте, и она даже сумела спасти от депортации в Полигон некоторых из нашей семьи. Не было предела моей радости. Также и моим товарищам стало известно, что некоторые из их семей остались в Свинцяне или бежали и вернулись в городок. Мы жадно ловили любую информацию оттуда и говорили о возможности вернуться в Свинцян. Полагали, что в тех местах, где было совершено уничтожение евреев и осталось гетто, где проживали мастеровые и рабочие, жизнь более безопасна, чем в местах, где евреев еще не тронули.

В один из дней декабря, по возвращению домой, мне сообщили, что какая-то девушка ищет меня, и находится она сейчас в "юденрате". Я бросился туда бегом, и нашел там сестру Рахиль. Мы оба заплакали. Месяц назад ей стало известно, что я нахожусь в Глубоком. Узнав, что и евреев этого городка заключили в гетто, она решила вернуть меня в Свинцян. Рахиль была красивой девушкой, черты ее лица не выдавали в ней еврейку, и она походила на полячку. Она прекрасно говорила по-польски. Дорогу из Свинцяна проделала, как полячка на телеге поляка, которая была специально заказана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.